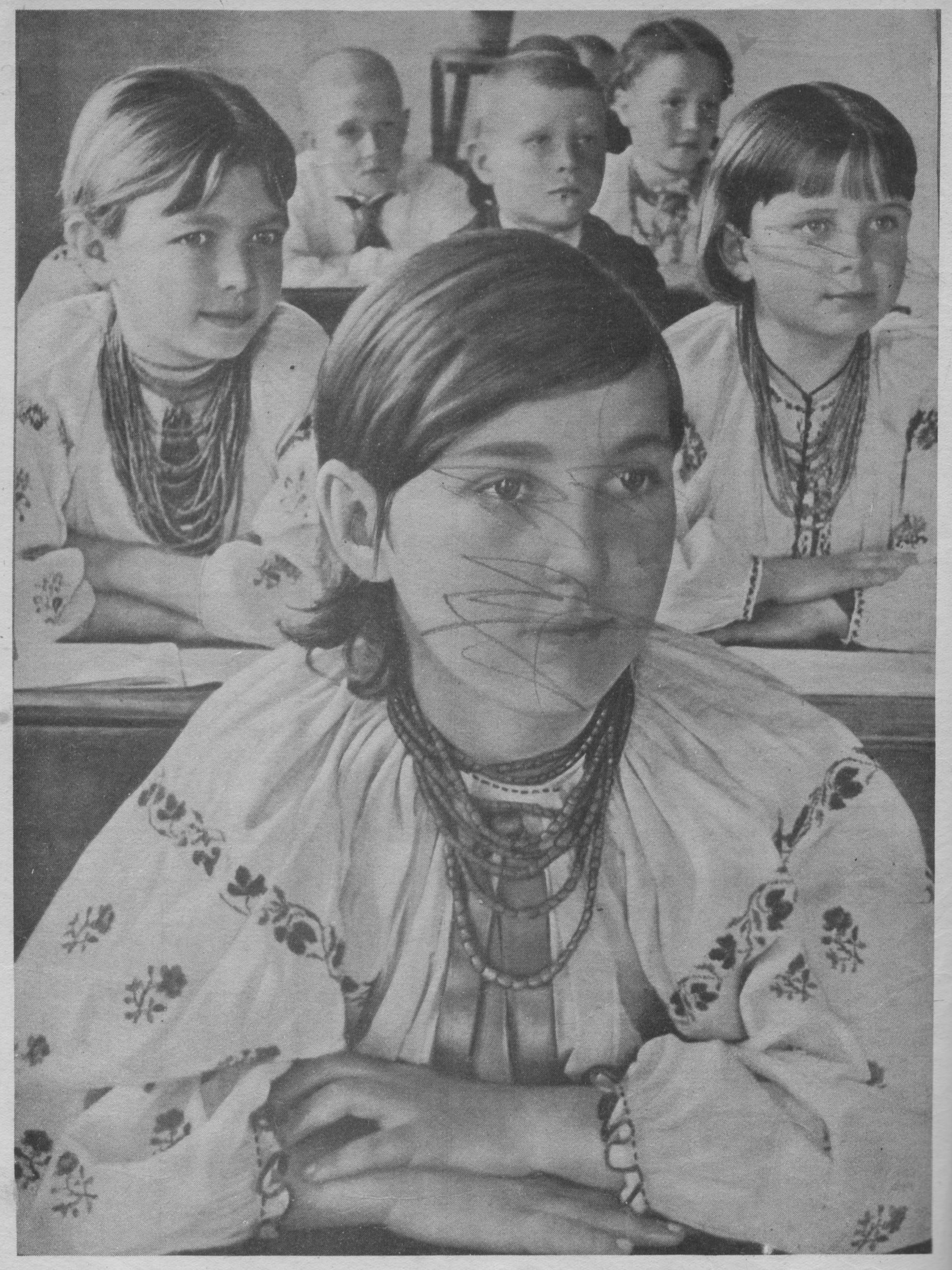
ОГОНЕК
11

На уроке в школе-десятилетке колхоза „Зирка“ Лубенского района, Полтавской области. *Фото Е. Игнатович*

На обложке: Фотоэтюд Л. Смирнова. На последней странице обложки: Выходной день в колхозе. Фото Ю. Амурского

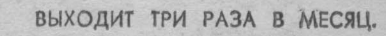
18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Огонек

№ 11
(698)
20 апреля
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Борис Заходер

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

1.

В день праздника мы спозаранку встали.
Всех радостное чувство подняло:
Мы знаем, скоро выйдет Сталин
На мавзолей, на левое крыло.

Мы знаем, Сталин любит эту площадь.
Сейчас там тишь. Брусчатка и гранит...
Стоят войска в еще недвижной мощи,
И вождь на них внимательно глядит.

Он вольно дышит, расправляет плечи,
Часами здесь стоять не устает —
Прекрасен день величественной встречи
Вождя с народом. Любит он народ.

2.

Почетный караул у узкой двери,
Уступами сбегающий гранит...
Здесь Ленин...
Здесь принимал он первые парады —
Шли первые рабочие отряды —
Худые люди в сморщенных шинелях,
В своих руках, от стужи посинелых,
С полей освободительной войны
Они несли победные знамена,—
Сильны одною волей непреклонной,
Одною правдою своей сильны!

3.

Со всех концов большой страны труда
Под праздник лучшие спешат сюда.
Несут их в чистом небе самолеты,
Машины, пароходы, поезда.

В моей стране чудесно повелось:
Кто украшал ее своим трудом,
Кто защищал ее штыком,—
На Красной площади желанный гость.

4.

И из чужого мира шлют народы
Своих сынов сюда,— нелегок путь! —
Чтоб их глазами заглянуть
В грядущее. В прекрасный мир свободы.

Нелегок путь, суров и далек.
Но в мире нет таких преград,
Чтобы вернуть людей назад,
Когда их ждет Москва. Ждет Сталин.

5.

Идет пехота. Молоды, сильны
Идут отчизны смелые сыны,
И трудно нам налюбоваться вдоволь,
Как их чеканные ряды стройны!

Луч солнца грянул — и штыки зажглись.
Усатый, добродушный металлист
Соседу говорит: «Моя работа!»
Смеются оба. Взгляд людей лучист.

Веселый украинец-сталевар
В сорочке белой. Вышивка — как жар.
Несутся танки, грозные громады,
И в них его труда немалый дар.

Орудия по площади идут.
Улыбкой ослепительной цветут
Смуглянки в пестрых шолковых халатах:
В зарядах хлопок — их счастливый труд.

Стальной мотор стремительно несет
Хозяев неба чистого высот.
Азербайджанец радуется стройный:
В стальных сердцах бензин—мой труд—
поет.

Степей расцветших вдохновенный сын,
Сверкая ясным серебром седин,
Слагает песню, шевеля губами,
Из Казахстана гость — старик-акын.

Мы все гордимся армией своей:
Работа наша, наша сила в ней,
То армия, готовая сражаться
За вечный мир. Нет армии сильней!

6.

Он любит эту площадь. Мчатся части,
Народ хранит порядок боевой.
Он видит всех, творец людского счастья,
Людского счастья верный часовой.

7.

На здании огромные знамена
И лозунг: «Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь!»
Сотни миллионов
Читают вновь победы сжатый план
На языке родном, в словах родных...
Живут и умирают ради них.

8.

Какая бы погода ни была,
День праздника всегда равно чудесен.
Знаменами столица расцвела
И обвилась венком веселых песен.

С небес — потоки яркого тепла,
Бела одежда, и смуглы тела,
То юность сильная идет на площадь,
Стройна, гибка, подвижна и светла.

По устланной цветами мостовой
Идет народ навеки молодой,
Идет народ, свою сознавший силу,—
Народ, владеющий своей судьбой.

Все лучшее свое сюда несем,
Все лучшее, чем дышим и живем.
Победоносный труд, увенчан славой,
Проходит в этот день перед вождем.

К нему — улыбки, песни, и в цветах
К нему детей подносят на руках,
То будущее перед ним проходит
И отражается в его глазах.

Нам мысли гения неведом ход,
Но знаем: как всегда, и в этот час
Он о народе думает. О нас.
Для нас он мыслит. Трудится. Живет.

9.

Народ уходит... В памяти стоят
Лицо вождя, его сердечный взгляд,
Руки приветный мужественный жест.
И сердце видит новый день торжеств.

Со всех концов земли — родной земли —
На площадь Красную пришли герои
Последнего, решительного боя
И Сталину победу принесли.

Николай Васильев

МОСКОВСКАЯ ВЕСНА

Опять идет можайский лед.
Запахло прелью и травою.
И мчится к солнцу самолет
И оставляет за собою
Над необъятною Москвою
Зигзаги дыма —
Тихий след,
Знакомый еще с прошлых
лет.
Московских весен запевалы,
Во всех садах кричат грачи...
Сегодня мы не москвичи —
Сегодня мы провинциалы.
Нам ново все,
Все незнакомо:
Мосты, гудящая вода,
На пятитонках глыбы льда,
И вон того
Большого дома
Мы не видали никогда!
Нам все сегодня с непривычки:
Бульварный писк залетной
птички,
Витринных весен первенец,
Зеленый клинский огурец —
Тепличный дар — прохожих
дразнит.
Судьба его для нас ясна...
У нас всегда
Весенний праздник,
У нас с тобой
Всегда весна.
Мы в этот полдень голубой
Идем, любуемся Москвой.
Идем по улицам широким
И по асфальту площадей
И видим пестрые потоки
Простых и ласковых людей.
И овевает наши лица
Апрельский тонкий ветерок.
Идем быстрей,
Чтоб сразу влиться
В стремительный
Людской поток,
Почувствовать его дыханье,
А с ним дыхание страны...
Смотри-ка:
Дедовские зданья
Без маляров обновлены!
По светлым улицам шагая,
Мы видим,
Как она нова,
Весенним солнцем залитая
Столица,
Родина,
Москва!

И. Ермашев

ПРАЗДНИК БОРЬБЫ И ПОБЕД

Под высоким голубым небом нашей родины алеют озаренные весенним солнцем победные знамена социализма. Советская страна всенародно празднует пятидесятую боевую маевку — день международной солидарности трудящихся и братства народов.

Почти полвека прошло с тех пор, как Первого Мая сознательные рабочие и работницы вышли на улицу под знаменем Маркса и Энгельса, чтобы во весь голос заявить господствующим классам о своей ненависти к капиталистическому обществу. Первое Мая стало традиционным боевым праздником всех трудящихся. В этот день они подводят итог своей борьбы, демонстрируют свою силу, провозглашают свою неукротимую волю к ниспровержению буржуазного строя, основанного на эксплоатации человека человеком.

За эти десятилетия рабочий класс прошел величайший путь борьбы. Эта борьба отмечена немеркнущим героизмом рабочего класса, того класса, которому принадлежит будущее. И эта борьба увенчалась всемирноисторической победой — торжеством социализма в нашей стране. Вот уже скоро двадцать три года, как эта победа вдохновляет народы всех стран, еще закованных в цепи капиталистического рабства. В Советском Союзе они видят воплощение своих собственных надежд и стремлений к подлинной свободе и счастью. Оттого так глубока и неистребима любовь всех угнетенных и обездоленных к нашей социалистической родине. В этом чувстве находит свое выражение благородное и возвышенное чувство интернационализма, живущее в сердце рабочего класса.

Недаром господствующие классы капиталистического общества и их либеральные и «социалистические» приспешники и прислужники не покладая рук работают над тем, чтобы путем обмана и насилия разъединить, разобщить силы рабочего класса, отравить сознание трудящихся, замутить идеологией человеконенавистничества и звериного шовинизма родники интернационализма, открытые учителями и вождями трудящихся Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным. Воинствующий шовинизм стал боевым знаменем капиталистической реакции, справляющей свои оргии во всех буржуазных странах. Новая империалистическая война — вторая мировая бойня за последние двадцать пять лет! — используется капиталистическими правителями для дальнейшего усиления реакции. Буржуазия выдвигает к кормилу правления самых ненавистных народным массам деятелей. Она устанавливает «порядок» инквизиции, она провозглашает «крестовый поход» против коммунизма.

Но идеи коммунизма неистребимы. Эти великие идеи осуществляются в Советском Союзе. На громадной, необозримой территории, простирающейся от Балтийского побережья до Тихого океана, наступила весна человечества. И из года в год народные массы всего мира все основательнее, все яснее и полнее убеждаются на опыте своей собственной борьбы, что путь Советского Союза — единственно правильный путь к освобождению от капиталистического ига.

Советский Союз является для трудящихся всего мира великим примером братства народов, воплощенного в жизнь. Капитализм с самого своего возникновения был и остался тюрьмой народов. Большинство населения земного шара порабощено несколькими империалистическими государствами. Одна британская буржуазия угнетает около пятисот миллионов трудящихся. Колониальные народы в течение многих десятилетий испытывают на себе политику «разделяй и властвуй», которую проводят господствующие классы. И для этих народов в особенности братское сотрудничество народов Советского Союза является путеводной звездой.

Чем сильнее Советский Союз, чем величественнее его успехи и победы ленинско-сталинской национальной политики, тем крепче сплоченность рабочего класса и народных масс. Любовь к Советскому Союзу является, таким образом, не только выражением международной пролетарской солидарности: это — чувство, зовущее к борьбе против угнетателей, против второй империалистической войны, против капиталистической реакции. Оно приобщает все новые и новые отряды трудящихся к великому делу Ленина — Сталина — делу освобождения человечества.

Навстречу этой волне симпатии и любви к нашей стране идет волна бодрости и силы из Советского Союза.

На первомайскую демонстрацию 1940 года наша страна выходит во всеоружии своих грандиозных достижений. В торжественный час, когда на улицах и площадях наших городов и сёл движутся нарядные и сплоченные колонны, вся страна как бы проходит по Красной площади столицы перед великим Сталиным. Проходят миллионы и миллионы советских патриотов и патриоток, умножающих славу своей родины, бесстрашно побеждающих все трудности, готовых к новым боям за коммунизм. Проходят славные полки непобедимой Красной Армии, умножившие славу советского оружия. Проходят трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии, освобожденные из-под панского ига, ныне полноправные граждане великой Страны советов. Проходят сыны и дочери молодой Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Вся 183-миллионная дружная советская семья собирается в этот радостный первомайский день перед своим вождем.

Наши первомайские лозунги и песни слышны на весь мир. К ним чутко прислушивается трудящийся человек во всех уголках земного шара. Ему понятны слова этих песен, его сердце учащенно бьется под звуки наших маршей. Миллионы трудящихся всех стран вливаются в наши колонны, становятся под большевистские знамена, они идут локоть к локтю, плечо к плечу с бойцами за коммунизм, в груди которых — любовь к родине и народным массам, к трудящимся, к зарубежным братьям.

Это нерушимая сила коммунизма!

И пусть мечется капиталистический мир в предсмертных судорогах, — это обреченный мир, и нет такой силы, которая могла бы спасти его от неизбежной гибели. Этому миру противостоит новый, молодой, полный жизненных сил мир социализма, который Первого Мая демонстрирует свою мощь, свои победы, которому нестрашны никакие испытания.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — СМОТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Фото А. Скурихина

ВЕСНА

Д. Светланов

Один человек жаловался на холод. Услыхал об этом другой и сказал: «Чудные эти люди! Когда холодно, они стонут: «Холодно!», а когда жарко, говорят: «Жарко!» В разговор вмешался Ходжа и заметил: «Так-то оно так, а вот кто может сказать что-нибудь плохое про весну?

Анекдоты о Ходже Наср-эд-дине.

1. ПЕРВЫЕ СВОДКИ С ВЕСЕННЕ-ЗИМНЕГО ФРОНТА

Зима в этом году была долгой и суровой. Волна холодов одна за другой прокатывалась по стране с севера на юг. В январе снежной пеленой покрылись даже вечнозеленые долины Черноморской Ривьеры.

Но вскоре после самых жестоких морозов в окрестностях Сочи появились первые весенние цветы. Так начала свое шествие по Советскому Союзу весна.

«СОЧИ. 8/II. Сегодня появились фиалки и подснежники. Цветет мимоза».

Обычно каждый год в начале февраля мы читаем эту первую сводку с весенне-зимнего фронта, и с этих пор в каждом номере газеты мы жадно ищем новых известий о весне.

В середине февраля в Средней Азии, в Туркмении, обычно уже засеяны первые тысячи гектаров зерновых. На Украине в это время еще белеет снег на полях, но воды уже шумят. Под Москвой же еще не шелохнется лед.

На огромном плацдарме евразийского материка, от Северного Ледовитого океана до высот Памира, от Карпат и до Тихого океана, зима с весной ведут с переменным успехом упорную борьбу. Ледяные ветры Арктики — мощные резервы зимы — частенько позволяют ей брать верх над юной соперницей. «Март,— говорит пословица,— морозом на нос садится», и даже апрель-лукавец переплетает зиму с летом.

Но в воздухе уже чувствуется первое дуновение весеннего ветерка, понемногу, исподволь пробуждается жизнь, которая томилась под мертвящим пологом зимы.

Весеннее солнце все жарче пригревает землю. Все живей и живей движение вешних вод. Взбухают реки. И вот уже льдина за льдиной плывут по Волге, Днепру и Сану, по большим и малым рекам Союза.

Рыбаки говорят: в эти дни щука хвостом пробивает лед и сазан першится по первому ледолому.

Охотники рассказывают: в эти дни медведь в берлоге пробуждается от долгой, зимней спячки и сурки, оживая, свистят в степи.

Увы, мы, жители городов, видим живую щуку лишь в садках рыбных магазинов, а медведей — за решотками клеток в зоопарке. Но взору нашему доступны птицы. И по полету голосистых вестников весны мы видим ее робкий, но безостановочный ход.

Хоть и говорится, что ласточка весну начинает, но не она первая весенняя гостья в наших краях: чибис и скворец оспаривают у нее это звание. Они прилетают раньше других птиц и держатся еще по насту. За ними на пригреве садится жаворонок, и вот уже стаями летит прочая перелетная птица... «40 пичуг на Русь пробираются...»

Когда «птичка хвалится первым яичком», наша мирная домашняя утка спускает на воду первый караван желторотых утят.

Белоствольные березы — краса русских лесов — стоят, тихо покачиваясь под ласковым южным ветром. Чистой слезой течет по стволам душистый сок. Набухают и лопаются сережки, и вот уже сквозит полупрозрачная как дым, воздушная прозелень березовых рощ.

Весна пришла!

2. НА ПОЛЯХ

Весенняя пора — пора возрождения и пышного цветения природы. «Весною,— говорит русская пословица,— оглобля за ночь травою зарастает». Но была у русских крестьян и другая весенняя пословица: «Красна весна, да голодна».

Долгая зима истощала силы русского мужика, подбирала его запасы и к весне оставляла без единого зернышка хлеба. Веками мечтал русский крестьянин о дивной стране, где круглый год царило бы довольство. В его мечтах существовала сказочная страна Вырей — теплый край где-то далеко у моря, увы, доступный только вольным птицам. В поисках лучшей доли тысячи бедняков-крестьян уходили, бывало, с весны из центральных губерний России на юг. Они искали работы на свекловичных плантациях польских панов, в усадьбах русских помещиков, захвативших богатые украинские земли.

Мы знаем об этих временах по воспоминаниям стариков, по рассказам Горького, Коцюбинского. В зарубежной литературе есть книги о крестьянской весне, которые мы читаем не как повесть о минувших днях, а как свидетельство о страшном сегодня.

В романе «Гроздья гнева» американский писатель Стейнбек показал, что такое весна для 300 тысяч фермеров, вынужденных бродяжить по дорогам Соединенных штатов. Земли, распаханные еще их прадедами, захвачены крупными земельными компаниями, всесильными банками. На их поля приходит раб, работающий по приказу хозяев и не чувствующий радости труда на земле.

«Человек в железном седле,— читаем мы у Стейнбека,— был непохож на человека в перчатках, в очках, в резиновой маске от пыли: он был частью железного чудовища, сам был роботом.

Грохот цилиндров раздавался вокруг, смешивался с воздухом и землей, и воздух и земля содрогались вместе с мотором. Водитель не мог совладать с машиной: она шла прямо по земле, сквозь десятки отдельных ферм и возвращалась обратно. Достаточно было бы потянуть рычаг, чтобы изменить направление машины, но руки тракториста не могли этого сделать, ибо чудовище, построившее машину, чудовище, пославшее машину на землю, словно проникло в руки водителя, в его мозг и мышцы, надело на него очки и маску, окутало пеленой его сознание и сковало язык, затуманило восприятие окружающего, связало чувство протеста, накипавшее в нем.

Он не видел землю такой, как она есть, он не чувствовал ее запаха, его ноги не ступали по земле, не ощущали ее тепла и силы. Он сидел в железном седле, и ноги его наступали на железные педали... Он не знал землю, не обладал ею, не верил в нее и не молился за нее. Если упавшее зерно не всходило, он оставался равнодушен. Если молодые всходы высыхали на ветру или захлебывались в потоке дождя, это значило для тракториста не больше чем для машины».

На советские поля весной также выходят тракторы, они сделаны из того же металла,

что и «катерпиллеры», но не роботы, а полновластные хозяева земли и машин ведут наши «СТЗ» и «ХТЗ».

«Машинисты-трактористы
На селе теперь в чести.
Машиниста-тракториста
Надо в гости привести,—
Тракторист такой красивый,
Я его приворожу.
На его на трактор ночью
Две ромашки положу»,—

поется в частушке.

Земля навечно закреплена за колхозами. Никто, никакая сила в мире, не может лишить колхозников земли.

«Весна-красна, на чем пришла? На сошечке, на боронечке!» — говаривали встарину.

Мощные гусеничные тракторы, глубокопашущие плуги, культиваторы отправляют на колхозные поля машинно-тракторные станции.

В ранние весенние дни на почерневшие поля выходят инспекторы по урожайности, бригадиры колхозных полевых бригад, агрономы.

Каждая бригада обрабатывает определенный участок колхозного массива. «Весною день год кормит»,— и бригада, сумевшая правильно определить первый день выхода в поле, уже с самого начала внутриколхозного соревнования занимает ведущее место.

Итак, старики-опытники, работники колхозной хаты-лаборатории, выходят в поле. Они медленно шагают по пригоркам и прогалинам, по долинам и взгорьям... Они наклоняются, бережно берут в руки комья земли, растирают ее пальцами, вдыхают запах чернозема.

В эти дни старики в центре внимания деревни. Что скажут они? Когда выходить в поле?

И если случается на селе старожил, он расскажет молодежи, как в старину одолевали крестьян мучительные сомнения: каков будет год — и как гаданиями они разрешали свою тревогу. Если в первый месяц года сосульки длинные и толстые, стало быть, и яровые нужно сеять раньше; если во второй месяц сосульки будут подлиннее чем в предыдущем, нужно сеять попозже; если поверхность снега шершавая,— значит, к урожаю, если гладкая,— жди недорода.

«Вот вам и агрономия»,— скажет старик. И молодежь ему не поверит.

3. В ГОРОДАХ

Если вы хотите первыми встретить московскую весну, отправляйтесь на Сельскохозяйственную выставку. Здесь весне давно готовят встречу. С деревьев снимают зимний убор: соломенные жгуты, рогожи, толевую бумагу... В теплицах цветут лимонные и апельсинные деревья... Художники спешат помочь весне раскрасить и расцветить выставочный городок.

Мы видим весну и на городских рынках. Она приносит сюда из парников тугие стрелки молодого лука, кремовые палочки петрушки и нежные листики салата...

Весну на бульварах встречают малыши. Они спускают в шумные ручьи флотилии бумажных корабликов (асфальтированные улицы сохнут под весенним солнцем с быстротой, обескураживающей молодых «моряков»). Но на бульварах не разгуляешься: няни не понимают толка в морском деле и беспрестанно напоминают: «Пора домой, ты тут совершенно вымокнешь».

Конечно, старшим братьям и сестрам живется вольготнее. Для них есть зоопарк, ботанический сад, зоостанции. Там для юных натуралистов пропасть работы. «Родной обычай старины» — День птицы — свято соблюдается советской детворой, но масштабы весенней деятельности наших ребят уже не те, что были раньше. Надо переселить в детский звериный городок медвежат, лисят, львят, волчат и тигрят. Надо что-то к чему-то привить — не то яблоню к апельсину, не то апельсин к яблоне. Надо, и это совершенно всерьез, продолжить опыты над картофелем, о которых лучшие из юных натуралистов докладывали в прошлом году на сессии Академии сельскохозяйственных наук.

Спортсмены забывают коньки, клюшки, лыжи. Они проверяют и подтягивают ракетки. Продувают камеры футбольных мячей. И говорят, некоторые хавбеки крадутся по ночам на футбольное поле, чтобы послушать, как подрастает на нем зеленая травка.

Весенний сев, подымающий на ноги советскую деревню, внешне мало отражается на жизни городов. Разве только на телеграфе появляются внеочередные телеграммы с надписью «посевная»... Но в действительности город так же, как и деревня, работает вовсю на посевной.

На фабричных складах спешно идет упаковка товаров, которые должны прибыть в деревню к началу полевых работ. Одна лишь потребительская кооперация отправляет украинским колхозникам на 588 миллионов рублей тканей, платков, обуви, калош. Узбекские хлопководы получают товаров на 233 миллиона, колхозники Казахстана — больше чем на 120 миллионов рублей, и т. д.

Есть горожане, которые сами непосредственно участвуют в весенней посевной. Это садоводы и огородники. С озабоченным видом бегают они в поисках пакетиков с семенами огурцов и резеды, петрушки и настурции... В Сталинской области рабочие-огородники засевают под овощи почти 40 тысяч гектаров. Только по 10 крупнейшим профсоюзам насчитывается более миллиона таких огородников.

На предприятиях в это время завершается работа, требующая немало дипломатического искусства. Администрация распределяет по месяцам года отпуска, а местные комитеты профсоюзов рассматривают заявления рабочих и служащих о предоставлении им путевок в дома отдыха и санатории. До 4½ миллионов человек будут лечиться и отдыхать в санаториях и домах отдыха в нынешнем году.

В дни, когда туристы и альпинисты заканчивают составление туристских маршрутов, прокладывая красные линии на картах Кавказа, Алтая и Памира, жители больших городов без всякого плана бросаются на штурм дач. Рост дачного строительства, как выражаются статистики, не поспевает за ростом количества горожан, имеющих возможность выезжать летом на дачи. И потому при найме комнат — будь то на Клязьме, под Москвой, или в Дарнице, что под Киевом — между дачевладельцами и дачнанимателями не обходится без жарких споров.

Ранней весной.

Фотоэтюд А. Скурихина

4. ВЕСЕННИЙ ШУМ, ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ...

Помните ли вы стихотворение Некрасова «Зеленый шум»:

«...Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум!
. . . .
Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! Иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы,
Чтоб душа ощутила покой...»

Тихонько шумит вишневый сад на горке. Баском вторит ему сосновый бор. Тихо лепечут зеленокосые березы. О чем-то шепчут молодые травы... Это звуки, знакомые с детства. Но вот слышится что-то новое, чего не было раньше,— мерный стук трактора. Из-за холма, там, где высится фабрика, слышатся удаляющиеся фанфары — это пионеры готовятся к майскому празднику.

Зеленый шум, весенний шум...

Неужели где-то, на какой-то «ничьей земле» по милости властителей уходящего мира вплетаются в твой говор, весна, иные звуки — звуки войны, «музыка злобы»?

Двойная ошибка

Юрий Нагибин.

— Я завидую,— говорил себе редактор.— Завидую тем людям, которые ежедневно, ежечасно несут ко мне свои рукописи. Со всех концов страны идут сюда письма: от молодых и старых, от новичков и профессионалов, от участников и очевидцев. Умело или неумело, но все они пишут о жизни. Все они побывали глаз на глаз с огромным миром, принимали ветер грудью, глядели на солнце, не смежая ресниц... И вот жизнь, выпирающая со страниц каждого, даже самого плохого рассказа, так гипнотически на меня действует, что я начинаю утрачивать свое безошибочное чутье. Да, да, надо каждый день, каждый час освежать свое отношение к слову!

Он взглянул на часы и позвонил. Вбежал секретарь с огромной кипой конвертов, бандеролей и газет, сложил их на редакторский стол и смахнул со лба пот.

— Боевой сегодня денек! — сказал секретарь.

Редактор развернул газету.

— На прием, надеюсь, никого?

Секретарь протянул ему листок бумаги, сложенный вчетверо.

— Что еще? — недовольно спросил редактор.

— Да это все тот парень, Тарасов, кажется. Он вам недели две назад прислал рукопись. Вы ему назначили через два дня придти, ну он и ходит с тех пор.

— Скажите, я сейчас занят, пусть зайдет завтра.

— Говорил, не помогает. Если, говорит, редактор прочтет записку, он меня обязательно примет...

Редактор вздохнул и развернул записку. Она была написана неровными детскими буквами, редактор разобрал ее вслух.

«Дорогой и уважаемый товарищ редактор! Вот уже две недели, как я хожу сюда, но до сих пор мне не удалось прорвать кольцо ваших телохранителей...»

Секретарь кашлянул.

«...и увидеть вас. Я мог бы на первое время предложить роман, две повести и одиннадцать рассказов, которые я написал за последние два года. Это время я нигде не работал, только писал, пришлось проесть последние ботинки. Не откажите принять меня, товарищ редактор, поскольку я нахожусь в бедственном положении. Иван Тарасов».

— Роман, две повести, одиннадцать рассказов! Неужто он собирается угостить нас всем этим? — сказал секретарь, когда редактор кончил читать.

Редактор не поддержал шутки.

— Позовите его,— коротко сказал он.

Через несколько минут секретарь вернулся, неся тощую ученическую тетрадь в синей обложке. За ним, робко ступая огромными в заплатах валенками, вошел юноша лет двадцати пяти.

Редактор окинул его взглядом, который мысленно считал пытливым, и указал ему на стул. Судя по записке, он ожидал увидеть хилое, заморенное существо, поддерживаемое лишь силой своего фанатизма. Но вошедший был высок ростом, щедро развернут в плечах, с большой круглой головой. Лицо его хранило выражение смиренного и страшного упорства. Особенно поражали его руки: большие, замечательной формы. У женщин такие руки обещают нежность, у мужчин — силу и ловкость.

Редактор развернул тетрадку.

— «Героический танк»,— прочел он таким тоном, словно заранее предвидел это название.— Ну, молодой человек, название вашего рассказа не предвещает больших неожиданностей. Сами-то вы танкист?

— Нет,— с сожалением ответил автор.— Не удалось...

В этот момент вошел секретарь с грудой бумаг. Редактор начал их просматривать, не щадя авторского нетерпения. Юноша сидел тихо. Его тонкие, длинные пальцы теребили ворс фуражки.

Наконец, редактор оставил бумаги и склонился над рукописью. Несколько минут он беззвучно шевелил губами, казалось, ему трудно произносить эти нескладные, грубые слова. Его раздражало решительно все. Действие разворачивалось в Западной Белоруссии. Почему в Западной Белоруссии? Только потому, что наши войска перешли границу бывшего польского государства? К тому же с первых слов он убедился, что это не было наивным восторгом простой души перед величественным событием эпохи. В рассказе была сознательная умелость, сделанность, несколько раз редактор даже почувствовал толчок, вызванный неожиданным и свежим образом. «Тем хуже, тем хуже,— сказал про себя редактор,— молодой человек отнюдь не наивен, он спекулирует на модной теме и думает поймать меня на этом — меня, стреляного воробья. Ладно же!»

— Ну ясно, танк отбился от своих, три отважных друга в кольце неприятеля. Боюсь, что он отбился не от своей части, а от одного плохого рассказа и пристал к вашему. Да, для трех отважных людей нет худшей опасности, чем попасть в кольцо плохой литературы...

Юноша вздрогнул, но промолчал. Румянец, осветивший его лицо, проник за воротник рубашки.

— «Враг напал неожиданно» — нечего сказать, неожиданно, я знал это еще до того, как сел читать. А? — сказал редактор.

Редактор любил, чтобы над его шутками смеялись. Он воззрился на парня, но, сообразив, что тот не склонен воспринимать остроумие, продолжал серьезно.

— Нет, молодой человек, я ценю ваши усилия, но газетная хроника волнует меня больше, там, по крайней мере, чувствуешь живой вкус реальности, а тут — извините! — и редактор широко развел руками...

И вдруг он понял, понял, откуда берется голос жизни, который волновал его со страниц всех рукописей и который он не слышал сейчас. Этот голос звучал в нем самом, он сам без разбора наделял им всех авторов. Ему не в чем и некому завидовать, это он сам обогащал пустые и бедные рукописи живым и трепетным содержанием. Не ущербность, а избыток жизни в нем самом порождал его ошибки. Но стоило ему только взять себя сейчас в руки — и к нему сразу вернулась его бесстрастная проницательность. А ведь еще вчера этот рассказ мог взволновать его, снова и снова ввести в заблуждение!

Редактор с удовлетворением потер руки: «Ну-с, теперь дудки, не проведешь...»

— «Трое молодых танкистов в порыве безрассудной смелости прорвались в стан врагов, но вернуться к своим не могли. У танка лопнула гусеница, как волчок завертелся он на одном месте». Да, все это уже было, было, было!

— Пугаете, молодой человек, а мне нестрашно, как говорил Лев Толстой о Леониде Андрееве. Советую почитать старика, вот кто не боялся страдания. У вас же читателю заранее известно, что в последний момент подоспеют красные. А знаете,— продолжал редактор с хитрецой,— бывали моменты, когда наши не поспевали. Так-то!

Затем он долго читал в молчании. Вошел секретарь, но редактор, не подымая глаз, махнул рукой, верно, ему не терпелось скорее отделаться от посетителя.

— Что-то красные долго не появляются,— промолвил он вдруг.

— Чего вы хитрите! — закричал он через страницу.— Конец-то все равно положительный, так ведь учила вас плохая литература...

Зазвонил телефон. Редактор снял трубку, но не поднес ее к уху, а положил на стол.

«Молодой танкист пал духом. Двадцатилетний мальчик, он родился при советской власти — ему не довелось учиться страданию. Командир как нежная мать, образ которой с первыми слезами возник перед глазами молодого танкиста, прижал его к груди. С застенчивой мужской лаской пытался он успокоить и ободрить молодого, отважного друга. Он не стал говорить ему ложных слов надежды, он сделал гораздо больше: сам обреченный смерти, он помог ему достойно встретить смерть. Молодой друг понял, слезы высохли на его лице, он протянул руки товарищам. Враг перестал осыпать танк пулями, он замыслил нечто более страшное».

«Что со мной такое, мне застилает зрение,— подумал редактор,— я, кажется, снова даю себя поймать. Или рассказ действительно хорош? Нет, нет, я сам делаю его хорошим, как и всегда. Он плох, он должен быть плох!»

Но какое-то другое чувство подымалось в его душе. Чувство огромное и непреодолимое, его могло вызвать лишь подлинное искусство. Он никогда не читал таких слов, простых и неожиданных, твердых и поэтических.

«Не надо поддаваться,— твердил про себя редактор,— мне нельзя совершать новой ошибки, даром, что ли, затратил я столько сил. Если это — искусство, оно должно войти в меня, вопреки моему сопротивлению...»

«Три танкиста спокойно и твердо ожидали смерти. Враг осуществил свой чудовищный замысел, подкатил бочки с бензином, все кончено — но нет, в стоящую неподалеку красную часть прибыл разведчик. Наши друзья в опасности! По коням!»

Редактор почувствовал двойное облегчение — бойцы спасены, а неожиданная и грубая фальшь погубила автора.

— Эх, молодой человек, молодой человек, испугались страдания, ведь когда помощь не поспевала, наши бойцы умели встретить страдание и смерть, а вот вы смалодушничали, предали свой рассказ...

— Дочитайте же хоть до конца,— тихо произнес автор.

— Пожалуйста, если вам угодно,— улыбнулся редактор,— хотя и так все ясно.

Он быстро зашевелил губами, листнул страницу, неожиданно выражение его лица изменилось.

— Нет, что же такое, постойте! — круглыми глазами он поглядел на автора, словно ища у него поддержки.— Нет, вы подождите... погибли,— тихо сказал редактор и отвел глаза куда-то в пустоту.— Погибли...— повторил он и снял очки, затем лихорадочно снова нацепил их на нос и беспорядочно быстро продолжал читать.— Наши танки отомстили,— с облегчением произнес он,— но Яша-то, молодой танкист, совсем мальчик...— вдруг он хлопнул ладонью по столу и вскочил.

— Послушайте, молодой человек, при вашем мастерстве вам нечего бояться благополучных концов, рассказ и без того достаточно силен. Послушайте, милый, Красная Армия почти всегда — почти всегда успевает! А у вас — куда это годится! — редактор всхлипнул и вытянул из кармана носовой платок, большой как полотенце. Он поднес его к глазам, другой рукой схватил карандаш и черкнул по рукописи.

Молодой человек вскочил.

— Вы не смеете пачкать мою рукопись! — и выхватил тетрадку. Он бросил на нее лишь случайный взгляд, но уже не мог отвести глаз. На рукописи неверным почерком было выведено два слова: «В набор».

l'Humanité

ORGANE CENTRAL DU PARTI COMMUNISTE (S.F.I.C.)

Fondateur : Jean JAURÈS — Paul VAILLANT-COUTURIER

NUMERO SPECIAL - Prix minimum : 50 cent.

LE CAPITALISME ENGENDRE LES GUERRES IMPERIALISTES

LA DESTRUCTION DES SYNDICATS PAR LES SOCIALO-RÉFORMISTES

Lettre aux soldats

ПОДПОЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ КОМПАРТИИ ФРАНЦИИ

Ранним утром, когда только-только начинают рассеиваться ночные тени, парижские полицейские принимаются за необычный спорт. Они занимались им прошедшей осенью, минувшей зимой, упражняются и в эти весенние утра.

Спорт этот — «ловля бабочек».

Их много, тучи: десятки, сотни тысяч. Белые, зеленые, красные. Они за ночь прилепляются к афишным тумбам, к витринам магазинов, к столбам у автобусных стоянок и гуще всего — к заборам, вдоль тротуаров, ведущих к воротам фабрик и заводов. Впрочем, их немало мелькает на самых стенах предприятий, в цехах и мастерских.

Это «папильоны» (бабочки) коммунистов. Так зовут крохотные разноцветные листочки бумаги с антивоенными лозунгами компартии Франции, загнанной в подполье, но ведущей неустанную борьбу против империалистической войны.

«Капиталистические эксплоататоры, — напечатано на одном из этих листочков, — Шнейдеры, де Вандели, Ротшильды добились запрещения французской коммунистической партии, чтобы без помехи грабить трудящихся, обогащаться на войне.

Но коммунистическая партия живет! Вместе с ней — все на борьбу против капиталистической банды!»

«Когда-то, — говорится в другом листочке, — Даладье обвинял двести семейств банкиров — эксплоататоров и мародеров — в том, что они обворовывают страну и народ. Теперь он на страже их интересов. Пора кончать с двумястами семействами!»

Теперь понятно, почему так заботливо осматривают парижские полицейские вверенные им кварталы. Начальство нервничает, начальство требует! В палате не прекращаются запросы министру внутренних дел: почему не приняты меры против растущей активности коммунистов, наводняющих страну своей антивоенной литературой, листовками, брошюрами, «Юманите»?

Брошюра с не вызывающим подозрений заголовком на обложке «За победу!» имеет совсем не то ура-шовинистическое содержание, которое вкладывает в этот лозунг империалистическая буржуазия. «За победу!» означает победу рабочего класса над всеми его врагами, победу дела мира над поджигателями войны. Когда читатель раскрывает брошюру, он находит в ней текст «Открытого письма», адресованного героем черноморского восстания, членом политбюро французской компартии товарищем Андрэ Марти, лидеру социалистической партии Леону Блюму. Тов. Марти разоблачает иезуитизм Блюма, его политику беспрерывных измен, низкопоклонство перед правящими классами.

На обложке другой брошюры напечатано: «Правда о войне. Как ее выиграть». В действительности это известная статья тов. Г. Димитрова «Война и рабочий класс капиталистических стран», написанная в октябре 1939 года. Она разъясняет разбойничий, несправедливый характер войны.

Крохотная листовка в четыре страницы, отпечатанная мельчайшим шрифтом; дюжина таких листовок может уместиться в спичечной коробке. Это — обращение центрального комитета компартии к солдатам. Оно отвечает на затаенные вопросы, которые волнуют 5 миллионов французских солдат, оторванных от семьи и работы ради империалистической войны, чуждой их интересам.

«Дорогие друзья! — говорится в листовке.— Вы еще в сентябре покинули свой домашний очаг, оставив родителей, жен, детей, невест; вы испытываете смертельную скуку в долгие зимние вечера, находясь в своих казармах без тепла, без света и без достаточного питания. Вы часто с нетерпением и беспокойством спрашиваете, когда это все кончится. Перед лицом нищеты и страданий вы задаете себе вопрос: «Для кого? Зачем?» Человеческая жизнь ничего не стоит для стяжателей прибылей, для торговцев оружием.

Война — средство для усиления капиталистической диктатуры, это новые возможности для угнетения рабочих, крестьян и мелкого люда. Солдаты, братья и друзья! Вы и в солдатских мундирах останетесь рабочими, крестьянами, торговцами, тружениками физического и умственного труда. Вы испытываете тяжелые лишения военной жизни, вы беспокоитесь при мысли о росте дороговизны, о том, что ваши семьи жестоко страдают, получая недостаточное военное пособие. Вы думаете о своих детях, которые мерзнут в нетопленном помещении, и перед вами всегда встает тот же вопрос: «Для кого? Зачем?» Несомненно, война ведется не ради ваших семей, не ради свободы, не ради прогресса. Она ведется ради капиталистов, ради эксплоататоров».

Больше всего бесит французскую охранку и ее хозяев регулярный выход и массовое распространение центрального органа компартии — «Юманите». Газета, понятно, не имеет своего прежнего большого формата и не может, как прежде, выходить ежедневно. Но на ее крошечных — обычно четырех — страницах содержится достаточно много материала, правдиво освещающего проблемы французской и международной жизни.

Вот один из последних номеров «Юманите». В нем напечатана декларация, которую коммунист-депутат Бонт начал оглашать в парламенте; взбешенные реакционеры и их «социалистические» подручные не дали тов. Бонту закончить чтение и добились того, что его силой удалили из зала, передав в руки полиции. Далее, напечатаны статья «Франция на буксире у Англии», ряд заметок о положении трудящихся. Оно сопоставляется с огромными прибылями военных поставщиков. Разорена французская деревня, она лишена рабочих рук, кормов, удобрений; из крестьянских хозяйств уведены все лошади для нужд военного ведомства; над крестьянскими семьями тяготеют долги, арендная плата, налоги. Всем этим нуждам деревни уделяется в газете большое внимание. «Юманите» дает также «портреты» видных буржуазных деятелей, показывая взаимное переплетение их связей и капиталов, круговую поруку двухсот семейств.

Против коммунистической печати у французских реакционеров нет иного оружия, кроме клеветы и террора. Но оба эти средства — показатель слабости, доказательство того, что, пускаясь в военную авантюру, французские правящие классы затеяли предприятие, сопряженное для них с большим риском.

Л. ВОЛЫНСКИЙ

AU FRONT, LES EMB...

A LA PORTE, LE GOUVERNEMENT DE MOUCHARDAGE ET DE DICTATURE !

Edité par le Parti Communiste Français.

Ф. Кандыба

Роза

РАССКАЗ

В январе, среди зимы, стало вдруг так тепло, как будто это происходило не в Крыму, а где-нибудь в Египте. Женщины надели легкие платья, мужчины ходили без пиджаков, и некоторые даже пробовали купаться. Горы попрежнему были в снегу, но море синело совсем по-летнему.

В долинах и на побережье бушевала весна. Очень скоро она пришла и на плантации совхоза «Крымская роза».

Розовые кусты зазеленели на всех участках, затем появились бутоны и алые и розовые цветы. Тонкий медовый аромат казанлыкской розы наполнил долину и понесся вниз, к затихшему на зиму приморскому городку.

Однако в совхозе совсем не радовались ранней весне. Неожиданное зимнее цветение розы было для совхоза скверным сюрпризом. Розе полагалось цвести летом, тогда собирали урожай — лепестки. А что делать с ними теперь, никто не знал, и все были в смятении.

Больше всех была расстроена Клава Платова, старший агроном плантации, пышная веселая блондинка. Она осунулась и побледнела.

Еще совсем недавно Клава, спокойная за судьбу плантации, собралась в отпуск в Москву: повидать друзей, походить в театры и сделать доклад в тресте о своих методах ухода за розой. Ей было о чем рассказать и хотелось кое с кем посоветоваться о научной работе, которую она решила написать.

Теперь все ее планы рухнули. Несмотря на жару Клаве было холодно, и она, не снимая пальто, бродила по участкам.

— Чорт бы ее побрал, эту проклятую оттепель! А роза цветет! Ну что ты будешь с ней делать? — разводила она руками.

— А вы бы ее вырубили. Как царь Ксеркс, который велел высечь море плетьми за то, что оно потопило его корабли. Тогда уж она зимой у вас не зацветет! — подразнивал Клаву сопровождавший ее высокий франтоватый инженер Птицын.

Он работал на перегонном заводе совхоза и был озабочен участью розы не меньше чем старший агроном, однако считал ниже своего достоинства это показывать.

— Оставьте меня со своим Ксерксом! — говорила Клава. — Поймите же, ведь все-таки сейчас зима. Сегодня тепло, а завтра опять мороз. Что тогда с нашей розой будет? Только вырубить и останется...

Раньше считалось, что казанлыкская роза нигде, кроме Болгарии, расти не может. В Советском Союзе ее начали разводить недавно. Она очень требовательна и капризна, но дает лучшее в мире розовое масло, стоящее в три раза дороже золота. Вот уже пять лет бились над ней в совхозе. В этом году она должна была дать первый большой урожай лепестков.

И вот, извольте радоваться, она зацвела зимой во время оттепели. Казанлыкская роза цветет один раз в году, и к ее цветению совхоз обычно готовился несколько месяцев. Сейчас даже сторож, охранявший плантацию от набегов любителей роз, был в отпуску...

Нужно было ежедневно обрывать лепестки с расцветших роз. Обычно это делали женщины и школьники из соседних татарских деревень. Но сейчас дети учились в школе, и розу собирать было некому.

У Птицына дела были незавидные. На заводе шел ремонт, который должен был окончиться только через три месяца. Перегонные аппараты, в которых обрабатывали паром розовые лепестки, были разобраны, кроме того не было трубок для холодильников. Словом, как докладывал инженер директору, завод так же был готов перегонять розовое масло, как строить подводные лодки.

Однако теплая погода держалась, и роза продолжала цвести. Волей-неволей приходилось убирать неожиданный урожай.

На север, в Москву, помчались телеграммы-молнии с сообщениями о происшедшем и требованиями выслать трубки. Через день трубки уже летели на самолетах в Крым. Агроном с бригадирами отправились в соседние деревни искать сборщиц. Инженер с механиком и слесарями, не устававшими день и ночь ругать и оттепель, и розу, и Крым вообще, монтировали перегонные аппараты и готовили завод к переработке лепестков.

В конце концов все уладилось за несколько дней. Трубки пришли вовремя, ремонт и монтаж на заводе заканчивались, можно было начинать сбор.

Клава надела светлое нарядное платье и любовалась своей прекрасной плантацией. Инженер больше не острил. Даже слесари угомонились и воздерживались от замечаний по адресу «красной капусты», как они называли между собой розу.

Теперь и в совхозе все почувствовали весну и были ей рады.

Однако радоваться оказалось преждевременно.

На рассвете дня, назначенного для начала сбора лепестков, ударил мороз. Оттепель кончилась так же неожиданно, как и началась. Сборщицы, пришедшие с первыми лучами солнца, и ребята, приехавшие на грузовике вслед за ними, увидели печальное зрелище.

Плантация была уже не розовой, а бурой. Чудесные цветы свернулись и почернели. На поникших бутонах серебрился иней, молодая, нежная листва завяла и сморщилась.

Дул злой, северный ветер. Над свинцово-серым морем бежали низкие разорванные тучи. Пошел снег и похоронил все, что осталось от вчерашней весны...

Сбор лепестков не состоялся, а морозы продолжались еще долго, и весна была поздняя и холодная.

Работники совхоза опять надели теплую одежду. Настроение у всех было мрачное. Все труды и надежды погибли. Кусты пострадали от мороза, ожидать, что роза вторично зацветет в этом году, оснований было мало. Мало того, дальнейшая судьба розы тоже внушала опасения.

Инженер ходил на лыжах на охоту в горы. Возвращаясь, он ругательски ругал Крым за то, что здесь ни весны, ни зимы настоящей нет, часто вспоминал солнечные пятна, которые, по его мнению, влияли на устойчивость погоды, и опять подшучивал над Клавой Платовой.

— Я бы рекомендовал посадить между розовыми кустами цветную капусту! Это единственный шанс собрать хоть какие-нибудь цветы на вашей плантации в этом сезоне, — мрачно острил он.

— Не спорю: шанс, пожалуй, самый реальный, — не менее мрачно соглашалась Клава, и хотя ей было не до острот, тоже нападала на инженера: — В свою очередь советую вам сдать завод пионерам под голубятню. Все равно там до июня будущего года делать будет нечего.

Клава отказалась ехать в Москву и махнула рукой на научную работу, которую собиралась писать: какой, в самом деле, вес могут иметь слова агронома, у которого роза не дает урожая.

— Подождите огорчаться, Клавдия Александровна, — старался утешить ее директор. — Утро вечера мудренее. А утро года — это весна, подождем до весны.

Инженер Птицын тоже по-своему сочувствовал Клаве и старался ей доказать, что причиной всему солнечные пятна.

— Это они, — говорил инженер, — во время максимума вызывают грозы, бури, циклоны. Максимум повторяется через каждые одиннадцать лет. Английский экономист Джевонс разработал даже целую теорию чередования урожаев и хозяйственных кризисов в соответствии с солнечными пятнами.

На плантации дела шли все хуже и хуже. С наступлением весны появился маленький зловредный жучок-златка, охочий до сладкого сока розовых кустов.

Личинки златки точили кору и древесину. Едва зазеленевшие ветви желтели и сохли одна за другой. То, что уцелело после мороза, съедала теперь златка.

Приходилось срезать ветви, пораженные вредителем, плантация стала реже на целую треть. Клава напрягала все силы, чтобы поддержать своих помощников и бригадиров, боровшихся за спасение плантации.

Они снова и снова глубоко перекапывали землю, удобряли ее, выпалывали сорняки, мыли кусты никотином с мылом, чтобы уберечь розу от прожорливой тли, поливали по нескольку раз в день, — словом, делали все, что могло хоть как-нибудь помочь этой нежнейшей из роз. Они ухаживали за ней, как ухаживают за тяжело, почти безнадежно больным, совершенно не зная, что из этого получится. Конечно, ни о каком урожае

лепестков и о розовом масле в этом году думать не приходилось. Плантация была опустошена.

Но агроном и бригадиры все же не хотели сдаваться, надеясь, что не в этом, так в будущем году, а свое они возьмут.

Директор держался того же мнения. Странствуя с инженером в горах, он разыскал где-то старый кош — заброшенную стоянку овечьих стад. На плантацию теперь ежедневно привозили истлевший навоз.

А роза продолжала свои фокусы. Она вдруг начала расти буйно, как никогда, словно стараясь наверстать потерянное.

В конце мая на ярко зеленых пышных кустах, покрытых жирными, словно из жести вырезанными листьями, вдруг начали появляться невиданно крупные бутоны. В начале июня роза, сверх всякого ожидания, зацвела вторично в этом году.

Цветы, большие и тяжелые, были словно вылеплены из красного и розового воска нежнейших оттенков. Их было немного, но они были необыкновенные. Они пахли както особенно пряно.

Сборщики, вновь появившиеся на плантации, были очень довольны розой: собранные лепестки оплачивались на вес, а белые полотняные мешки сборщиков наполнялись быстро.

Сбором руководила Клава. С восходом солнца она встречала на плантации ребят и женщин и отводила их на участки. Лепестки нужно оборвать, пока не припекло солнце и не успело испариться розовое масло. К десяти часам утра сбор заканчивался и шум, гомон, смех, наполнявшие плантацию, замолкали. Грузовик развозил ребят по домам, вслед за ними уходили женщины, и вся жизнь совхоза сосредоточивалась на заводе.

Там вырастали горы душистых нежных лепестков. Словно цветной снег, сыпались они в пузатые медные баки перегонных аппаратов. Пар уносил с собой розовое масло из лепестков и, сжижаясь в холодильниках, превращался в струи розовой воды, несшей в себе аромат только что собранных цветов.

Переработкой лепестков командовал инженер Птицын. Работа у него шла полным ходом, и он почти не уходил с завода, не показывался в городе, куда обычно ходил есть чебуреки. Правда, причиной этому была не только работа. Клава, ежедневно бывавшая на заводе, сказала ему однажды, что он в белом халате похож на повара. После этого Птицына в халате больше не видели.

Инженер целыми днями возился у кувшинов с высокими узкими горлышками — флорентийских сосудов, в которые стекала розовая вода из холодильников. Масло всплывало наверх, а воду пропускали сквозь мелкий активированный уголь. Благодаря этому углю и тщательности работы из лепестков получали в полтора раза больше розового масла чем в Болгарии, Франции и других странах, где его добывают. Тонна лепестков обычно давала около двух стаканов, почти полкилограмма драгоценной жидкости, а инженер старался получить еще больше.

Подвечер на завод приходил директор. Он вооружался столовой ложкой и вместе с инженером бережно собирал масло, застывшее в горлышках флорентийских сосудов.

Что это было за масло! Грязное, желтозеленое, оно напоминало мастику для пола или дешовый мармелад, а не драгоценный экстракт. И пахло оно неприятно, хотя и розой, но ненатурально, грубо, одуряюще остро.

Однако это не смущало директора и инженера. Они шли в экстракционную, брали банки с жидким желтым как липовый мед маслом, пропущенным через активированный уголь. Оно тоже пахло неважно. Лишь после смешивания и долгой и сложной очистки к нему возвращался натуральный запах розы, такой сильный, что одной его капли хватало, чтобы приготовить чуть ли не целое ведро розового одеколона.

Чем дальше подвигалась переработка лепестков, тем лучше становилось настроение у Птицына и тем чаще он посматривал на Клаву Платову с раздражавшей ее непонятной улыбкой.

Инженер что-то напевал себе под нос, взвешивая масло в лаборатории.

— Ну каково? — хитро щурясь, спрашивал он у директора, глядевшего на весы.

— Неважно, товарищ Птицын, право же неважно,— вздыхал директор.— Все это еще ничего не значит. Ведь масло неочищенное, кто знает, сколько здесь воды и всякого мусора. А сбор заканчивается, и до плана далеко...

Роза цвела довольно долго. Сборщики не пропустили ни одного цветка, но все-таки лепестков было собрано вдвое меньше, чем полагалось по плану.

В перегонных аппаратах завода уже не бурлил душистый розовый борщ. Работа сосредоточилась в экстракционной и в лаборатории, где инженер Птицын вместе со своими помощницами-химичками фильтровал и перегонял розовое масло.

Когда сбор окончился и плантация обезлюдела, у Клавы Платовой снова резко упало настроение. Она не ожидала ничего хорошего от окончательных подсчетов.

После такого труда — половинный урожай лепестков! Правда, роза разрослась и обещала хорошо цвести в дальнейшем. Но чего стоили ее обещания после этой весны?

Если бы инженер не продолжал непонятно улыбаться, а заговорил сейчас о солнечных пятнах, он бы, вероятно, нашел у нее более живой отклик. Клаву мучили сомнения. Она перебирала в уме все этапы работы на плантации, искала и не находила своей ошибки. Значит, все-таки знаний, горячего желания, настойчивости, соединенных усилий всех работников совхоза было недостаточно. Это задевало ее гордость советского человека. Какая-то ошибка здесь все же была, что-то было не так.

Но что же тогда: капризы судьбы, невезение или этот, как его, Джевонс со своими солнечными пятнами?

«Нет, не буду ломать голову. Нельзя делать выводы на основании одного и к тому же нехарактерного случая»,— утешала себя Клава и, собрав остатки своего оптимизма, взялась за опыты над черенковым размножением розы.

Как-то к Клаве на опытный участок пришел директор и показал ей спешное письмо из треста. В тресте были обеспокоены половинным урожаем лепестков, требовали объяснений старшего агронома, спрашивали, кто здесь виноват и что предпринимается, чтобы это не могло повториться в дальнейшем.

Клава Платова давно ожидала такого оборота дела, но, что сказать, не нашлась и опустила голову, как бы целиком принимая на себя вину. Она была так взволнованна, что даже не заметила пришедшего вслед за директором Птицына.

— Что же, виновников, кроме меня, искать не приходится,— сказала она, наконец, и упрямо подняла голову.— На погоду и злаку ссылаться я не стану. Какие новые меры буду принимать, еще не знаю, но то, что делала, буду продолжать. А что касается объяснений, их даст урожай будущего года. Он скажет ошиблась я или нет. Быть может, я очень плохой агроном, но это все, что я могу вам ответить...

— Нет, нет, не надо ждать до будущего года, — перебил Платову инженер. — Мы только что взвесили масло после окончания обработки, я сделал расчет...

— И радуетесь,— мрачно сказала Клава, уверенная, что инженер сейчас окончательно уничтожит ее цифрами.

— Ну, ну? — заторопил Птицына директор.

— Да, Клавочка,— не замечая, что назвал так Платову, ответил инженер.— Радуюсь от всей души. План выполнен целиком. Ваши лепестки оказались замечательными! Они дали вдвое больший чем раньше выход масла. Девятьсот граммов с тонны — мировой рекорд, втрое больше чем в Болгарии. Вот какие розы вы вырастили на плантации!

— Да не может быть! — сдавленным голосом произнес удивленный директор.

Клава внезапно порозовела. Она широко раскрыла заблестевшие глаза и ждала, что еще скажет инженер.

— Отчего же не может быть? Я давно думал, что будет именно так, но не мог же я это вам говорить, пока не сделал окончательных подсчетов,— продолжал тот.— И объяснение здесь простое. Наш агроном, его помощники, бригадиры и рабочие ухаживали за розой так, как никто никогда за ней в Болгарии не ухаживал. Более подробно об этом, очевидно, будет написано в научной работе, не правда ли, Клавдия Александровна?

— А вы говорите — солнечные пятна! — обращаясь неизвестно к кому, сказала Клава и улыбнулась, будто стряхивая неприятный сон.— Никаких солнечных пятен. Самый характерный случай!

— И тема для кандидатской работы,— добавил инженер.

Е. Шевелева

АГИТАТОР

Ты входишь в незнакомый дом.
Стучится в окна ветер.
Звенит посуда за столом.
О чем-то спорят дети.
В огне шипит сковорода.
В корыте пена пухнет.
Тихонько шлепает вода
По раковине в кухне.
Ты входишь в незнакомый дом,
В чужую жизнь как будто.
Откроешь дверь — пахнет теплом
Домашнего уюта.
Дождем дороги налиты,
Весенних листьев роскошь...
И в дом жилой невольно ты
Широкий ветер вносишь.
Мне хорошо на свете жить.
Мои друзья могучи.
Подчинены им рубежи,
Моря, просторы, тучи...
Волною плавной блещет Дон,
Гремит металл в походе...
Мне кажется: со мною в дом
Мои друзья приходят.
Ты входишь в незнакомый дом.
Под распростертой крышей
Живут печаль и радость в нем.
И с каждым днем и с каждым
днем
Тебе понятней, ближе
Ребячий крик невдалеке,
Хорошая улыбка,
В стенной газете, в уголке,
Случайная ошибка.
Как яркий молодой костер
Разбрасывает искры,
Так ты находишь вдруг простор
Для дел, для мысли быстрой.
Ты должен зажигать сердца
И создавать для века,
Как скульптор взмахами резца —
Фигуру человека.

Г. Коновалов

ПЛОТНИК

I

Жил у нас в деревне плотник Алексей Самотуев. Звали его Лёксой. Как настоящий плотник, он обстроил все окрестные деревни, а у самого не было ни ворот, ни деревянного пола в избе. Да и жил-то он за селом, у могильного лога, почти рядом с кладбищем.

Длинный и сутулый, с горбатым носом на сухом лице и с лихо закрученными рыжими усами, Лёкса ходил по заволжским деревням, рубил мужикам избы и амбары. Ранней весной, как только обтают дороги, сбежит по оврагам мутная снеговая вода, он уходил со своими сыновьями по деревням.

В степи летом жара; изредка вихрь поднимает коричневые столбы пыли на дороге, погнет тополя и зыбкий ивняк на берегу мелководной реки, и снова тишина, неподвижный зной, запахи прижженного листвянника, перегретой, треснувшей земли да исступленный треск кузнечиков в посыхающих травах.

Издали видно — идут по дороге гуськом трое: меньшак Лёксы, Миколка, впереди с поперечной и продольной пилами, акуратно завернутыми в холст; за ним старший брат Васька, прозванный «Козлом», он несет ящик с инструментами, а позади идет сам Лёкса, взвалив на спину мешок с бельем; у пояса поблескивают три топора. Он медленно волочит по пыли ноги, и, пока доходит до очередной деревни, Миколка, обежав улицу, уже стоит в тени у избы и рядится с хозяйкой.

Лёкса устало садится на завалинку и, сняв бурый картуз, вытирает рукавом рубахи пот с белой, незагоревшей полоски на верху лба.

— Да и кормить-то вас нечем, дорогие плотнички, — говорит баба, навалившись на подоконник. — У коровы совсем отбилось молоко.

Миколка передает ее слова Ваське, а тот — отцу, который, сидя поодаль, равнодушно поглядывает на облачко, будто договор не касается его.

— Хлеб есть? — тихо спрашивает он Ваську, который немедленно передает его слова Миколке, а тот звонким голосом кричит:

— Хлеб, тетя, есть?

— Есть хлебушка, — отвечает хозяйка.

— Хлеба имеются, — говорит Миколка Ваське.

— Намолотили, слышь, хлеб есть, — шепчет Васька отцу.

— А квас? — спрашивает Лёкса и, получив ответ, что есть молодой квас, добавляет: — А лук? А огурцы как?

Так ходили они все лето из села в село, из уезда в уезд, а осенью возвращались в свою покосившуюся избенку над могильным логом.

Зимними вечерами Лёкса, сидя дома на полу, на толсто постеленной соломе, у большого котла, вмазанного в плиту, в котором варился картофель, поджав под себя ноги и покуривая трубку, сделанную из бересклета, рассказывал мужикам сказки, самим им выдуманные.

Особенно любил и умел рассказывать Лёкса о животных и птицах, наделяя их умом куда выше человеческого! Шли бесконечные цветистые истории об умных собаках, о медведях-музыкантах, которые отдирают щепки от дерева и слушают их звон, о честных волках, вступающих в договор с пастухами, об услужливом вороне, принесшем матери записку от умирающего на ратном поле сына. Больше всех зверей любил Лёкса робкого, всеми обижаемого раскосого зайца и ненавидел смертельно лису за ее хитрость и двоедушие.

Иногда Лёкса приходил к богатому мужику, которому выстроил дом, вынимал из кармана спички и молча тряс коробком перед своим ухом. Догадливый хозяин клал перед Лёксой рубль. Если плотник снова гремел спичками, хозяин добавлял денег.

Лёкса покупал конфеты и, идя по улице, разбрасывал их ребятишкам так, будто сеял пшеницу.

— Я пять мельниц поставил, — кричал он, — сорок амбаров, тридцать домов! В Москву зовут новый дом для царя строить — отказываюсь!

Однажды ранней весной, когда Лёкса, наточив топоры и пилы, собрался в поход (задерживался из-за того, что оставались непропитые пять рублей), в низком окне промелькнули две пары сапог, а на дворе забрехала кривая собака.

— Батюшка идет! — засуетилась жена, торопливо постлала на стол белую скатерть, поставила солонку и каравай хлеба. Потом, достав икону с божницы, поплевала на нее, охая и что-то причитая, обтерла подолом юбки и снова поставила на место. Сыновья погасили цыгарки и почтительно выпрямились, приглаживая волосы.

В избу вошли молодой плечистый черный поп с сатанинскими выпуклыми глазами и незнакомый мужик в синей весенней поддевке с кнутом в руке. Поп от порога размашисто перекрестился, низко, несколько развязно кланяясь, вытягивая шею на образа, и сказал:

— Церковь-то наша, Алексей, стара стала.

— Сам, батюшка, видел, — подхватил Лёкса, — вчера колокольню-то ветром качало туда-сюда на три сажени.

— Новый храм порешили строить, — сказал поп. — Вот от помещика Черныша человек сказывает: половину расходов берет на себя Черныш.

— Знамо, строить надо, — одобрил Лёкса. — Там не церковь, а хлев, прости боже. А надысь бугай стал чесаться о нее — чуть не свалил. С угла приподнял и с фундамента сдвинул.

— Тебя главным плотником подрядим, Алексей. Возьмешься?

— Отчего же не взяться, батюшка? Был бы лес!

— Все дело в материале, — подхватили сыновья, — материал будет, сустроить можно. Отчего же не сустроить?

II

Вскоре мужики навозили на площадь сосновых бревен, и в начале мая начались работы. Всем миром строили церковь. И пошли по степи разговоры о ней. Из других уездов приезжали люди полюбоваться на церковь.

Погода стояла красная. Подогретые солнцем, пахли медом и клеем сосновые щепки. Плотники в холщевых рубахах рубили бревна, серебряными рыбами поблескивали топоры на солнце. По балкам под песню «...Зеленая сама пойдет, поддернем да ухнем» поднимали бревна, возводя венец за венцом.

Батюшка часто толкался тут же на работе. Подбирая длинные рукава, он говорил, раздувая тонкие волосатые ноздри:

— Святое у тебя, Алексей, мастерство.

— Нам, батюшка, что святое, что проклятое, — усмехался Лёкса, — коль хороший лес, и охота есть. Я ее так разукрашу, лучше тиятра будет.

И когда вознесся храм к голубому небу, покрыли его зеленым, веселым железом. Васька у входа написал на стене картину — Иосиф стругает доски. В длинном, склонившемся над верстаком усатом Иосифе с жилистыми руками всякий узнавал Лёксу. Даже верстак и топор были, как у Лёксы: топорище раскололось и стянуто в двух местах медными кольцами.

Васька сначала нарисовал еще и себя, подносящим отцу доску, но застыдился и выкрасил себя в зеленое дерево, а доску, поднятую над головой, — в облако. Вокруг продолговатой головы Иосифа сиял венец, по-

хожий на хворостинку, которой обычно прихватывал волосы отец.

Рано-рано, на заре, когда деревня спала и лишь изредка перекликались кочета, Лёкса встал с постели, умылся, надел чистую рубашку, помолился перед иконами и вышел на улицу.

Был первый день после масленицы. Через несколько часов в новой церкви должно было начаться богослужение. С юга прилетели черные грачи и с радостным криком вились над храмом.

Лёкса обошел храм и, опустившись на колени перед главным входом, тихо заплакал. Мимо него прошел звонарь в шубе со сборками назади, открыл церковь, тяжело топая по ступенькам лестницы, поднялся наверх — и вот раздался первый удар колокола, густой, мягкий гул поплыл над селом. А Лёкса все стоял на коленях и плакал, плакал от того ли, что стал стар, или потому, что чувствовал смущение: сделал он самое великое, что положено человеку сделать только один раз в жизни.

Всю выдумку и сноровку плотницкую убил он на эту церковь.

«Игрушка, настоящая игрушка, — думал он, — не стыдно за тебя».

И когда угрюмые и опухшие после пьяной масленицы мужики повалили в церковь замаливать грехи свои, Лёксе стало обидно.

— В такую хоромину со скукой идут,— прошептал он, уходя домой,— в ней музыке играть бы!

Теперь долгими зимними вечерами не о чертях, а о храме рассказывал старый Лёкса.

III

Весной 1917 года стали возвращаться в село с фронта солдаты. Вернулся и кум Лёксы, с которым он гулял. И стали поговаривать бывшие фронтовики, что надо школу в селе выстроить. Собрались на сходе и долго спорили: из чего строить? Кто-то неуверенно предложил переделать на школу церковь.

— Попросить Лёксу, он хотя и старик, но моментом школу объегорит.

— Пустое говорите, братцы, — возразил Лёкса,— кругом надо посмотреть, глядишь, что-нибудь найдется.

— И то верно, дядя Лёкса. Церкву ломать нельзя: по бревну на дрова растянут, — а у Черныша дом пустой стоит, сам-то уехал в Петроград к Керенскому.

— Тут оглядеться надо,— сказал Лёкса.

— Гляди не гляди, а дом-то как раз удобный для школы,— сказал Васька. — Только кто ломать будет? Строить мы будем, а вот кто наперед поедет за домом-то?

— Кто наперед? Все миром-сходом тронемся. Только начать, а там все пойдет, как по писанному!

Поехали на ста подводах и подняли весь дом с фундаментом. А через неделю, ночью, когда начал ломаться на реке лед, в деревню приехал Черныш с уральскими казаками.

Лёкса и сыновья его бежали могильным логом на кладбище и скрылись там за рыжими холмами. В лесочке они встретили таких же беглецов, подумали вместе, поговорили и решили выбрать старшо́го. Выбрали Лёксу, потому что его знали все.

Как-то раз Лёкса поехал с отрядом в свою деревню помыться в бане. Увидал из-за горы блеснувший крест, снял шапку, перекрестился и галопом подскакал к мосту. Тут встретили его ребятишки и сказали, что в церкви бандиты «кабедню справляют».

И только Лёкса выехал на улицу, от церкви раздалась стрельба. Лёкса слез с коня и, передав поводья Ваське, пошел к церкви, махая шапкой над головой.

— Эй, чего боитесь-то? — кричал он. — Не буду бить. Поиграли в войну, хватит. Ставьте ведро самогонки и замиримся.

Но стрельба продолжалась, пули сбивали пыль на дороге у ног Лёксы.

— Бестолковый народ, — качал головой Лёкса.

— Нечего тут! — закричал Васька.— Окружить и перебить их, как собак!

Отряд ползком оцепил церковь, ожидая приказа старшо́го.

— Не палить! — командовал Лёкса.— Моими руками строилась. Возьмем и без огня.

Отряд пролежал всю ночь, изредка перестреливаясь. Васька по левую сторону отца, Миколка — по правую сидели в яме и ели лепешки, которые принесла им мать.

— И чего тут мудрить,— сказал Васька и встал на ноги, завертывая цыгарку.

Вдруг он выронил кисет и, схватившись за живот, упал на Лёксу. Миколка схватил скатерть, которую оставила мать, и, нагнувшись над братом, стал перевязывать его.

— Вась, Вася, больно? — спрашивал он.

— Вяжи, чего копаешься!

Не успели отнести Ваську в сторожку, как прибежал молодой парень и сказал, что на левом фланге убили маляра.

— Так они всех нас переметют,— заключил парень,— дядю Гришака в глаз тюкнули.

— Передать: молиться богу, — сказал Лёкса, — в атаку тронемся!

В мутном рассвете видны стали редкие фигуры крестившихся и кланявшихся в землю мужиков. Показалась длинная, сгорбленная фигура Лёксы, и раздался его хриплый голос:

— В атаку! Не стрелять! Штыками донимай!

Три раза бросались партизаны на церковь и отбегали назад, осыпаемые пулями.

Когда солнце поднялось из-за реки, двери церкви открылись, и на каменный порожек вышел поп. Он пошел на партизан с крестом, который блестел на солнце режущим, ослепляющим светом. Легкий ветерок задирал пряди черных поредевших волос на его высоко поднятой голове. В отряде прекратили стрельбу, многие вставали и, сняв картузы, крестились, некоторые насмешливо улыбались.

Все так же высоко неся голову, точно слепой, поп подошел к Лёксе. Лицо его было припухшее и бледное, поднятая с крестом рука дрожала.

— Богохульники! — вдруг раскатисто прогремел в утреннем влажном воздухе его голос.

— Чего ты, батюшка, напрасно зашумел на нас? — сказал бородатый партизан, опоясанный веревкой.— Пусть они выйдут, мы не тронем их.

— Злоба помутила ваш разум. Сбываются слова пророка: брат на брата, сын на отца поднимает оружие. Видно, живем последние дни,— поп обернулся к церкви и угрожающе потряс руками.— Те неразумные собаки осквернили храм. Отсохнут руки, поднявшие меч, померкнут глаза ваши и помутится разум ваш.

Лёкса слушал его молча, глядя себе под ноги. Потом он взглянул на сияющие маковки колокольни, на тополя, окружавшие храм и тихо шелестевшие сочными широкими листьями, вздохнул, кинул ружье на плечо и пошел в переулок, ни разу не оглянувшись.

Отряд выехал вместе с ним. На горе Лёкса перекрестился на блестевший в синеве крест, творя молитву.

IV

Однажды Лёкса заехал в свое село сменить лошадей. Село находилось в полосе действия бандитских шаек Пятакова. Лёкса болел лихорадкой, устал, и ему очень хотелось повидать жену, которая, как передавали лазутчики, после смерти Васьки слегла в постель.

Была ранняя, тихая после спасских дождей осень. Мужики, насколько позволяло военное время, обмолотили хлеб, оправили солому на гумнах, поприбирали мякину в риги, посеяли рожь и начали пахать зябь. Жара уже схлынула, и бледножелтый умиротворенный грустный свет солнца озарял пустые, тихие степи, безлюдные дороги, пожелтевшее жнивье.

Лёкса ехал на коне впереди небольшого отряда, положив руки на луку седла. Бледное с большими седыми усами и давно небритым подбородком лицо его покрылось мелким потом.

— Теперь бы кваску с редькой,— улыбнулся он бескровными губами.

Через час после того, как отряд въехал в деревню, то там, то тут задымились бани. Лёкса с Миколкой вымылись в бане, напились чаю и легли спать.

Ночью Лёксу начала трясти лихорадка. Жена навалила на него всю, какая была, одежду. Потом начался жар. Миколка подавал отцу воду в деревянном ковше.

Вдруг в окно сильно постучали.

— Налет! — закричали с улицы.

Лёкса оделся, жена задерживала его:

— Не пущу! Куда ты хворой!

Но он взял ружье и вышел во двор. В темноте подбежали партизаны и сказали, что село окружили со всех сторон. За мостом и на гумнах стреляли.

— Куда же теперь деваться?

Лёкса поднял голову и увидал озаренные мерцанием звезд кресты церкви.

— Беги туда, там не тронут! — сказал он.

Через несколько минут в церкви очутились не только партизаны, но и их жены и дети. В темном углу заплакал ребенок, потерявший грудь матери, и тут же замолк, жадно, торопливо зачмокав губами.

— Ишь, присосался, клещ,— засмеялись партизаны.

Лёкса поставил у закрытых дверей стражу, сам поднялся с Миколкой на колокольню.

В пролеты колокольни потянуло прохладным воздухом. Уже светало. На сумеречных улицах и площади скрипели колеса, фыркали лошади, слышались голоса людей, залегавших кругом церкви.

— Бандиты,— сказал Миколка,— вишь пушку устанавливают. Прямой наводкой хотят.

— Будет болтать-то абы чего,— с обидой возразил Лёкса,— просто пужают.

Когда совсем рассвело, от цепи отделился человек с белым платком на хворостине.

— Переговариваться идет. Пущать в церкву-то? — спросил Миколка.

— Нехай снизу кричит, услышим.

Миколка сказал своим, свесившись с лестницы:

— Ванявкин, не открывай двери,— и, высунув голову в окно, закричал: — Эй, дядя, говори оттуда: чего вам от нас надо?

— Разоружайтесь! — ответил снизу парламентер.

Наверх, на колокольню, поднялось несколько партизан.

— Эка, чего захотели!

Лёкса высунулся в пролет колокольни, хрипло прокричал:

— Чего вы мешаете нам богу молиться? Дайте батюшке обедню отслужить.

Парламентер ушел. У пушки завозились люди, и тотчас же в упор ударил в церковь снаряд. Внизу, в церкви, заплакали дети, чей-то пронзительно-тонкий визг напугал Лёксу. Над крестами взвились сонные галки и, покружившись с криком, сели на свои старые места.

Партизаны залегли в простенках и скоро метким огнем заставили замолчать пушку.

— Дайте выйти за деревню, а там схватимся! — сказал Лёкса.

Пули шлепнули по косяку, отколов щепки. Лёкса недоуменно оглядел свежую царапину, поднял щепку и стал прилаживать ее на старое место. Одна пуля ударила в колокол, и он тонко и жалобно запел. Потом пули стали чаще попадать в колокола, и от этого стоял протяжный, ноющий гул.

Когда стрельба прекратилась, Лёкса, сев на пол спиной к простенку, сказал:

— Узнал, Миколаша, кто бьет нас? Коровинские да ключевские богатеи! Зря дома рубили им, надо было бы головы рубить!

— Тятя смотри, что они делают!

Лёкса увидел рыдваны с соломой, подъезжающие к церкви. С них стали сбрасывать солому. И вдруг на мгновение показалось Лёксе, будто это в хороший, урожайный год слышит он, как зарею везут по дорогам хлеб с золотых, тучных полей.

Внизу к церкви подошел поп с крестом и закричал каким-то испуганным голосом:

— Не скверните храм! Выходите из церкви, христом богом умоляю, окаянные! Предам огню!

— Врешь,— вызывающе отвечали с колокольни,— руки не подымутся!

— Что мало соломы-то навозили? Стелите мягче, сейчас прыгать начнем!

— Дураки, натрескались самогонки и чудят!

— Эй ты, карий жеребец, полезай к нам, схватимся один на один!

— Тятя, гляди, как он завертелся-то!

Поп что-то поговорил с офицером, обернулся к церкви, пал на колени, поднял к небу

руки, плюнул три раза в сторону церкви и торопливо ушел.

Дым, сначала тонкий, потом гуще, повалил с разных сторон. Сухие сосновые стены церкви занялись быстро. Огонь торопливо пополз вверх, охватывая венец за венцом.

— Что они делают? — закричал Лёкса.

Внизу, в церкви, женщины бились о двери, которые оказались закрытыми снаружи.

— Что они делают? Как же это? — еще и еще раз спрашивал Лёкса.— Видно, молятся, пока выгодно. Им что церковь, что хлев, был бы хлеб.

Он видел освещенных огнем людей на площади, мужиков, прискакавших с бочками воды. Бандиты выливали воду на землю и били мужиков. Поп промелькнул мимо тополя, листья которого были так красны от зарева пожара, точно омочены в крови.

На колокольне ударили во все колокола. А из церкви выпрыгивали женщины и ребятишки. Внизу стреляли по ним. Один подросток с курчавой головой выпрыгнул, оперся руками о землю и побежал от огня к ограде. На нем горела рубаха. У самой ограды его подстрелили в грудь. Он запнулся, пронзительно взвизгнул и, шагнув вперед, упал лицом на железную изгородь.

А колокола тяжко гудели. И Лёксе показалось, что церковь — живой человек, облитый керосином, подожженный и страшно кричащий от боли.

— Господи, спаси нас грешных... Господи, что это? Безвинные дети, боже, зачем допускаешь? Пощади их! — бился седой головой о стенку Лёкса.

Цветут колхозные сады.

Фото А. Скурихина

Уже летели мимо колокольни в черное осеннее небо, потрескивая, красные искры, и лицо начало обдавать горячим ветром. Огонь обвил со всех сторон соседнюю маковку. Вдруг Лёксу поразила внезапно наступившая тишина. Он поднял голову и под большим колоколом увидел лежавшего на спине товарища, звонившего в колокола. По лицу его текла кровь. Лёкса старался сообразить, что ему сделать. Но почему-то вспомнилось, как строили церковь. Вон ту маковку строили жарким летом, тогда у одного плотника закружилась голова — он упал, схоронили его в церковной ограде. Вот огонь обнял третью маковку, по которой нарисовал Васька архангела с мечом.

Цепляясь ногами за доски, мимо Лёксы пробежала женщина с каким-то узлом в руках. Она подскочила к окну и высунула узел, показывая его людям, стоящим внизу. Лёкса увидел, что в руках у нее был не узел, а ребенок. Вдруг женщина качнулась назад и упала из окна. К Лёксе подбежал Миколка с веревкой в руках.

— Тятя! Все ведь выпрыгнули, спускайся, вот веревка!

Он обвязал веревкой отца, один конец ее привязал к перекладине, на которой висел колокол.

— Спускайся, там внизу тушат пожар.

С колокольни повисли ноги Лёксы: одна в чулке, на другой болталась портянка. Он стал спускаться навстречу огню. Раздались выстрелы — и Лёкса упал на землю.

Церковь долго и торжественно, будто свеча у гроба покойника, горела над своим строителем, широко раздвинув темноту. А наверху Миколка бил во все колокола, пока не объял его огонь. Далеко в степи было видно это пожарище, и люди в страшном смятении кидались к своим избам.

Пришло время охоты на уток, гусей. Выходной день страстные любители охоты проводят за городом, на весенних разливах.

Фото А. Скурихина

Л. Родэ и Б. Грюнталь

МОЕ УТРО

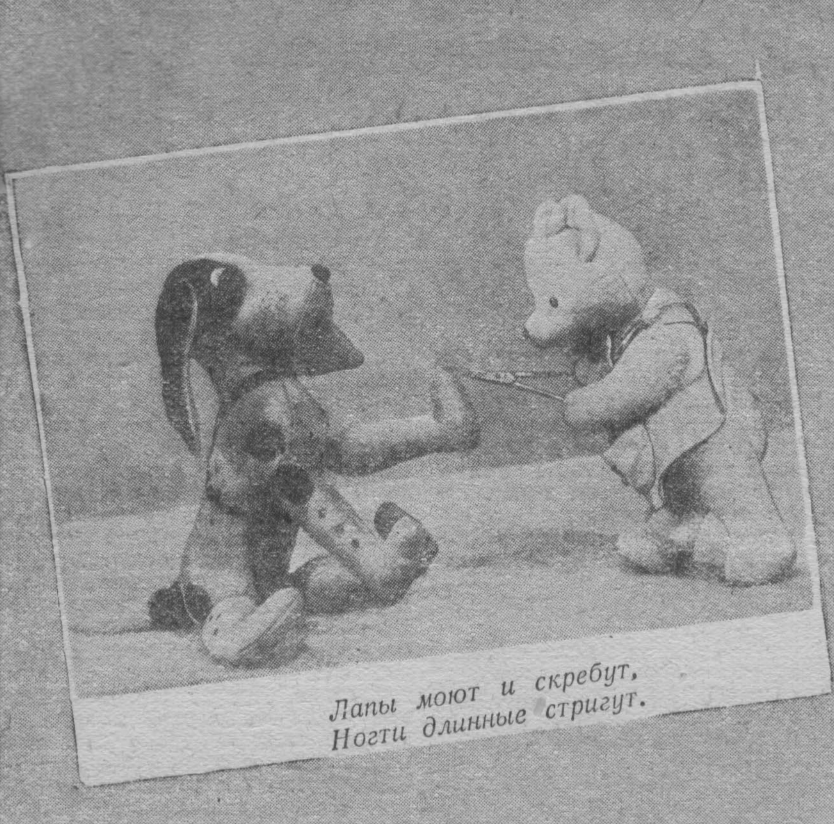

Любят мыться медвежата,
Чистоплотные ребята.

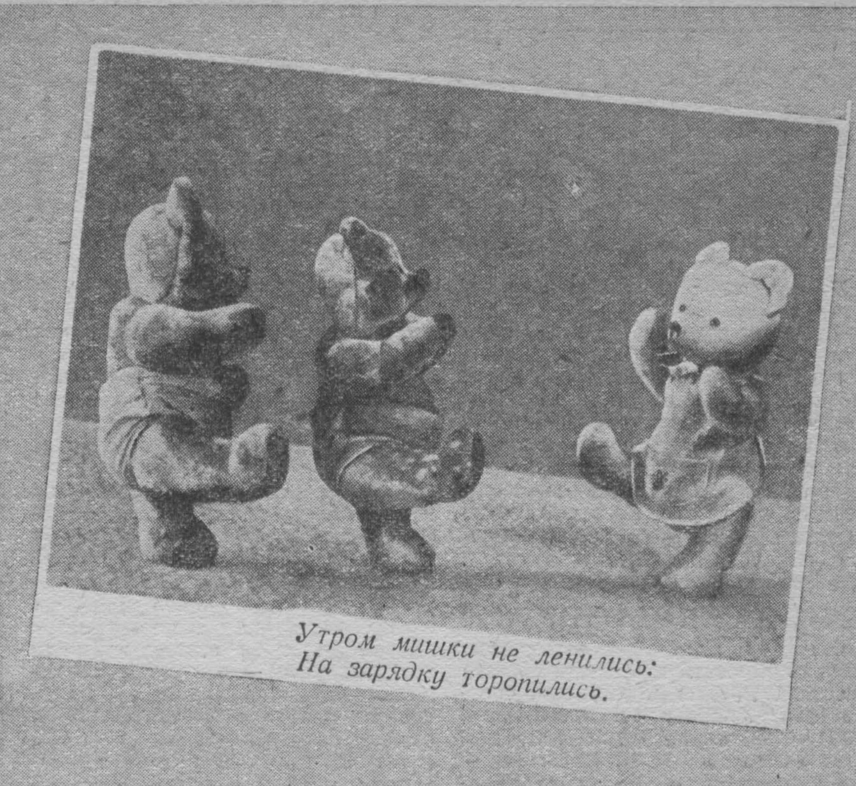
Из книжки для детей „Мое утро", выходящей в издательстве Медгиз.

Поутру и вечерком
Зубы чистят порошком.

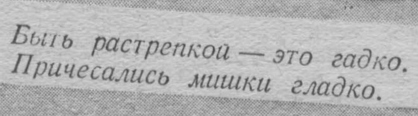

Лапы моют и скребут,
Ногти длинные стригут.

Утром мишки не ленились:
На зарядку торопились.

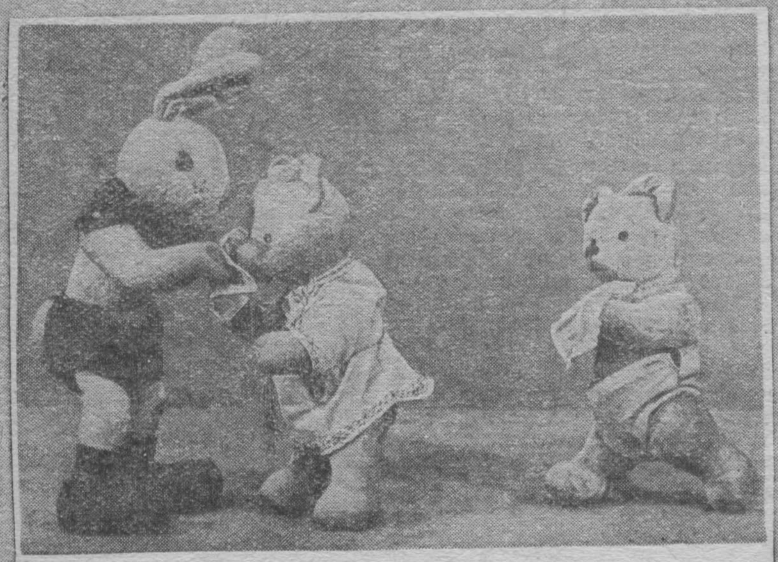

Быть растрепкой — это гадко.
Причесались мишки гладко.

Акуратно за столом
Выпьем чаю с молоком.

Чисто-чисто нос утрем,
А потом играть начнем.

Поиграем и опять
Отправляемся гулять.

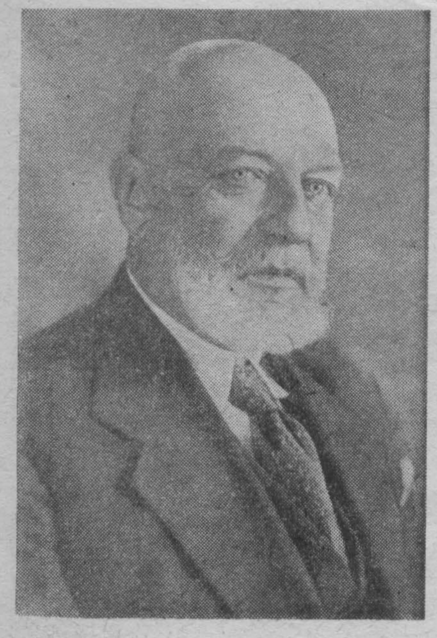
Ю. Л. Давыдов

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ИЛЬИЧЕ ЧАЙКОВСКОМ

Фото А. Карасева и Е. Пиотрковского

Мои личные воспоминания, к сожалению, захватывают лишь последний период жизни Петра Ильича. Они начинаются фактически только с 1882 года, да и то в первое время относятся к моим детским впечатлениям. Лишь последние 4—5 лет его жизни я мог оценить вполне сознательно. Не касаясь воспоминаний родных и близких, слышанных мной, постараюсь привести отдельные эпизоды, которые смогут в некоторой степени передать облик этого замечательного человека.

Семья, в которой я вырос, была фактически и семьей Петра Ильича. Родная и любимая сестра его Александра Ильинична (1841—1891 годы) в 1860 году вышла замуж за Л. В. Давыдова — сына декабриста Василия Львовича Давыдова. Нас было семь человек детей. Я был самым младшим. Уют и ласка, которыми в нашей семье всегда был окружен Петр Ильич, влекли его в Каменку, имение семьи Давыдовых. Отец мой, Лев Васильевич, рожденный в каторге, был бесправным и, по царским законам, не мог наследовать своему отцу, поэтому он был только управляющим имением.

Юрий Львович Давыдов, племянник П. И. Чайковского.

Приезды Петра Ильича в Каменку начались с 1865 года и продолжались вплоть до 1885 года. Почти ежегодно лето он проводил у нас и считал семью сестры своей собственной. Когда он собирался выехать из любого пункта земного шара в Каменку, на вопрос, куда он едет, всегда отвечал: «Домой». Для него Каменка и наша семья именно были «домой», ибо самыми близкими и дорогими для него существами до конца его жизни были его младшие братья-близнецы и семья его сестры.

Моя привязанность к Петру Ильичу, любовь к нему, желание услужить, порадовать, вызвать у него ласковую улыбку, доставлявшую еще в раннем детстве нам столько отрады, вполне естественны. Мы не знали о его гениальности, смутно слыхали о его растущей славе и любили его просто за то, что он был такой хороший.

Мать и отец запрещали нам мешать дяде или отрывать его от работы, но в моем детском представлении это была просто придирка. Ну чем я мог ему мешать? Играя, я часто подбегал к открытому окну его комнаты и смотрел, как он ставит какие-то точки с хвостиками на разлинованной бумаге, и мне казалось, что он просто забавляется. Был случай, когда я влез в окно, схватил карандаш и стал приделывать хвосты к его точкам, такие красивые, длинные, гораздо лучше его коротких хвостиков, а он хохотал, глядя на мои старания, и никогда я от него не слышал упрека или порицания. Ласковый, веселый, интересный в своих рассказах, он с нами никогда не терял терпения, не досадовал на нас.

Любимым делом Петра Ильича, кроме сидения за письменным столом и нанесения точек на бумагу, были прогулки. Теперь мне ясно, что во время этих прогулок он обдумывал планы своих сочинений и в общении с природой, которую он так любил, находил источники вдохновения. Нас удивляло то, что независимо от погоды, от здоровья он непременно ходил гулять. Вставал Петр Ильич рано, часов в 7—7½, пил чай и делал маленькую прогулку, а с 9 часов вплоть до обеда сидел за письменным столом и работал. Вечером, после двухчасовой прогулки, писал письма, и изобилие этих писем сначала нас поражало, но человек ко всему привыкает, и пачку в 10—15 писем мы скоро привыкли рассматривать как самое обыденное явление.

Петр Ильич часто уговаривал мою мать в часы его прогулок организовать чаепитие в ближайших лесках, что всегда всеми приветствовалось.

После чая затевались бесконечные игры, всегда выдумываемые Петром Ильичем. Прыгали через костер, бегали парами, со связанными ногами (левая нога одного к правой другого), наперегонки, при этом всегда происходили падения, вызывавшие дружный смех присутствовавших.

Любовь к природе, к цветам (и ландышам в особенности) тянула Петра Ильича из города на лоно природы. Поэтичная украинская деревня, с ее белыми мазанками и вишневыми садами и неизменными подсолнухами, стоящими как бы на страже украинского пейзажа, приводили в восторг впечатлительного Петра Ильича. Украинская мелодичная песня, из которой он брал темы для своих сочинений, также влекла творца бессмертных звуков.

Но удаленность Каменки от центров, растущая шумная семья Давыдовых, наконец, болезнь любимой сестры, постоянно вызывавшая тревоги за ее жизнь, мешали творчеству композитора. Поэтому после большой борьбы он решает расстаться с югом и в 1885 году нанимает дачу близ Москвы, в окрестностях Клина, и уже до конца жизни обосновывается здесь, сперва в Майданове, потом во Фроловском, и, наконец, в самом Клину. В Каменку он стал заглядывать уже редко и лишь на короткое время.

Сестра П. И. Чайковского Александра Ильинична со своим мужем Л. В. Давыдовым. 1860 год.

Когда я подрос, меня увезли на север. Я учился в Петербурге, куда часто приезжал по делам Петр Ильич, так что общение мое с ним не прерывалось.

Тут наступает уже период моего юношеского сближения с Петром Ильичем. Меня интересовало в нем и творчество, и образ жизни, и отношение к близким и окружавшим его. Теперь я стал понимать и характер дяди, который до того времени ускользал от моего детского познания.

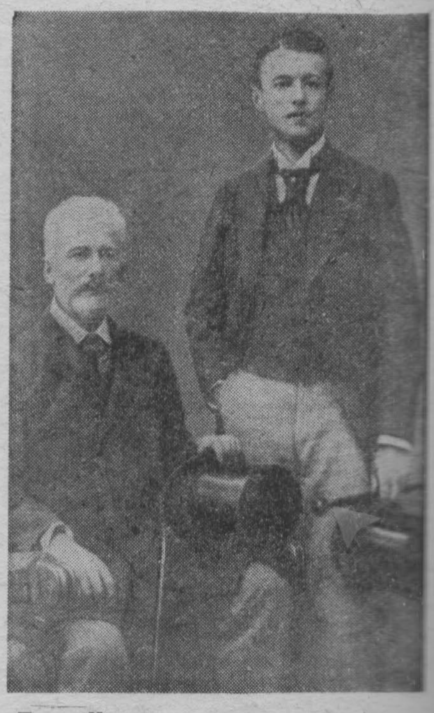
Петр Ильич был крайне застенчивым человеком. Он избегал чуждых ему людей, всячески уклонялся от новых знакомств и старался скрыться от любопытных, стремившихся познакомиться с знаменитостью. При знакомстве с новым лицом Петр Ильич всегда чувствовал неловкость и просто страдал. Лишь в кругу близких исчезала эта застенчивость. Стремясь уйти от посторонних, он укрывался в деревенской глуши у сестры, в признанной им «своей семье», или заграницей, где можно жить инкогнито, вне шума городского.

Однажды Петр Ильич, не умевший отказывать в просьбах, согласился написать для каменского церковного хора великопостную молитву. Со свойственной ему добросовестностью он отдался принятому на себя обязательству. Написал, стал разучивать, усилил хор, включив в него моих сестер, которые были очень музыкальны, и дело пошло как будто бы на лад. Наступил момент исполнения. В переполненной небольшой каменской церкви собралось много знакомых, родных и даже приезжих соседей. Дав тон хору, Петр Ильич взмахнул руками, но каждый хорист порознь побоялся вступить первым... Произошла секундная пауза, после чего одна из моих сестер робко издала звук с первым слогом молитвы «с дре...» и замолчала. Другая сестра синкопом вслед за первой повторила тот же слог «с дре...» (молитва начиналась словами «С древа сошла» и т. д.) и тоже замолчала. Красный, сконфуженный Петр Ильич дал вторично тон, смущенные хористы опять вздохнули, но ни один звук не раздался из их сжатых страхом глоток. Тогда дядя бросил камертон и пустился бежать из церкви, расталкивая изумленную толпу. Долго его искали и лишь на другой день нашли в сторожке лесника, куда его привели холод и голод. Этот случай дядя рассматривал как величайший свой позор.

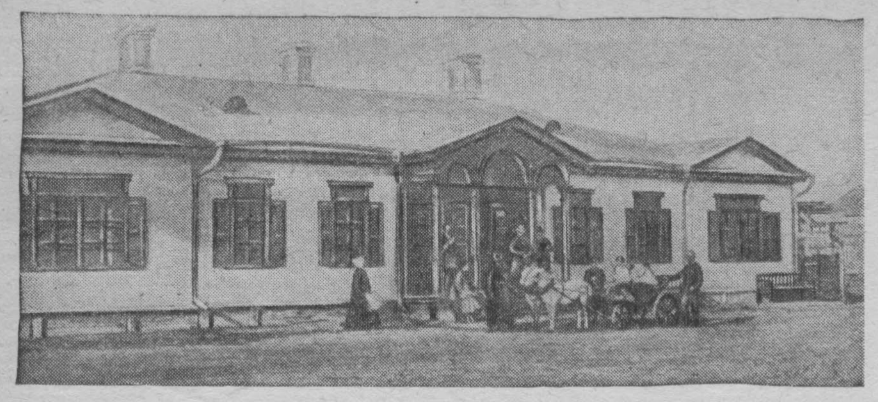
Эта болезненная застенчивость долго отравляла существование Петра Ильича, а между тем растущая слава все больше заставляла его расширять круг знакомств. И только в последние годы жизни ему удалось эту застенчивость побороть.

* * *

Петр Ильич очень много читал и постоянно пополнял свою изрядную библиотеку иностранной литературой. Французский, италь-

Петр Ильич со своим племянником Владимиром Львовичем. 1892 год.

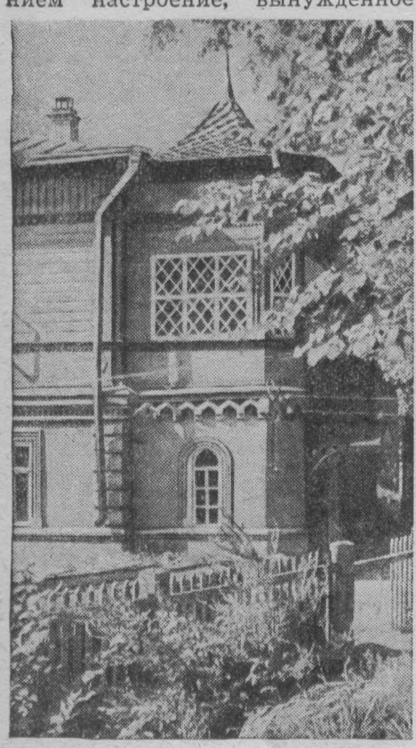

Дом Давыдовых в Каменке, где часто жил П. И. Чайковский.

янский, немецкий языки он знал в совершенстве, а чешским и английским языками владел слабее. Меня всегда поражали прекрасные познания Петра Ильича в ботанике и морфологии растений, и только оставалось удивляться, где и когда успевал этот сверхзанятый человек еще обогащать свои знания в самых разнообразных областях науки.

Честность была отличительной чертой Петра Ильича. Он очень мучился, если обстоятельства или нежелание обидеть принуждали его ко лжи. Честен он был и в отношении взятых на себя обязательств. Не жалея здоровья, упорно просиживал над корректурой и редактированием чужих произведений. Честен он был и к своему призванию. Петр Ильич с исключительной интенсивностью трудился над своими сочинениями и максимально использовал часы вдохновения (известно, что опера «Пиковая дама» была написана им в 44 дня, а лебединая его песнь — Шестая симфония — в 27 дней).

Упорная работа, постоянно возбужденное творческим вдохновением настроение, вынужденное

Дом-музей П. И. Чайковского в Клину (вид со двора).

общение с разными малоприятными и малосимпатичными людьми вызывали напряжение его нервной системы, создавая повышенную нервозность, которую недоброжелатели и завистники Чайковского старались изобразить как дурные черты его характера.

Музыкальная критика, особенно русская, щеголяла ядовитой оценкой его творчества, и нападки Ц. Кюи не могли способствовать успокоению нервов Петра Ильича. Он тяжело переносил нападки, весь уходил в себя, чтобы не открыться посторонним. Но нам, близким, не раз приходилось быть свидетелями истерических припадков Чайковского, вызванных его тяжелыми переживаниями. Сколько сил затрачивал этот прямой, честный человек, чтобы не остановиться и продолжать идти своей дорогой, преодолевая интриги. Он достиг намеченной цели. Достиг еще при жизни небывалой славы и признания не только на горячо и исключительно любимой им родине, но и во всем культурном мире. Тщеславие было чуждо этому прекрасному художнику и чудесному человеку. Он гордился достижениями своего творчества. И до последних дней своих оставался тем же скромным, простым дядей Петей, каким я знал его с первых моих детских лет. Никогда не слышал я от него ни слова бахвальства, ни слова самовосхваления, он всегда критически относился к себе и своему творчеству.

Как мы все, близкие, страдали вместе с ним и за него, когда к нему еще во цвете лет подкралась «проклятая курноска», как он образно называл смерть.

После первого исполнения Шестой симфонии в Петербурге дядя Модест Ильич взял слово с брата, что он не уедет до первой постановки новой пьесы Модеста Ильича «Предрассудки» в Александринском театре. Дядя Петр Ильич обещал и сдержал слово, но — увы! — лежа холодным на смертном одре. 20 октября 1893 года мы возвращались из Александринского театра. Тут были налицо все его любимые племянники и их друзья, в шутку именовавшиеся свитой Петра Ильича, так как всегда и всюду его сопровождали. Веселая, но голодная компания зашла в ресторан Лейнера, и Петр Ильич несмотря на наши протесты выпил стакан сырой воды. В тот год в Петербурге была холера, и то, чего мы боялись, случилось. Уже ночью болезнь себя проявила, а через четыре дня не стало того, кто дал человечеству столько отрадных минут...

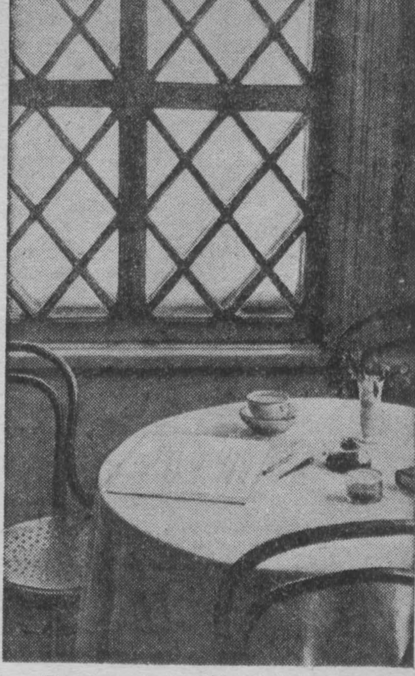
Торжественные похороны собрали несметные толпы народа. Медленно двигался кортеж по Невскому. Все балконы и окна были заполнены народом. Поровнявшись с Публичной библиотекой, сопровождавшие увидели рабочих, забравшихся в ниши и на подоконники. Без шапок, со слезами на глазах стояли они, забрызганные известью и краской, и в тишине был слышен голос: «Ребята, ведь незабвенного везут!»

Да, прав был голос безвестного труженика. Родина провожала своего «незабвенного».

А мне, близко его знавшему, хочется добавить: не умрет в памяти людей и чудный человек, чуткий к чужому горю, радостный от чужого счастья, образец трудолюбия, честности и красоты душевной.

* * *

И вот судьбе было угодно меня забросить в тот домик в Клину, который был его последним пристанищем, а теперь стал Домом-музеем великого композитора. В этом домике все живо его напоминает. Те комнаты, где он воплощал свои гениальные мысли, сохранены заботливой рукой в том виде, в каком покинул их гениальный творец звуков. Тут же хранятся все рукописи, все труды, тридцатилетней трудовой его жизни. Тут собрана вся его переписка, библиотека, его вещи, платье, белье... Все живо мне напоминает те дни, которые я провел в последний раз, осенью 1893 года, в этом скромном уголке. Сад вырос, но хранит и он воспоминания о том, кто так его любил, и хочется мне верить, что не забудет человечество тот уголок, где собрано столько драгоценностей для всех, кто любит свою национальную музыку и чтит память гениального композитора.

Дом-музей П. И. Чайковского в Клину. Закрытый балкон-фонарик. На столе обычное — «рабочее» — расположение вещей, принадлежавших П. И. Чайковскому.

Кабинет-гостиная П. И. Чайковского в Клину. Все стоит на тех же местах, как было при жизни композитора. Стоящий среди комнаты рояль подарен Чайковскому фирмой Беккер. Это любимый рояль Петра Ильича.

М. Болотин

СЕМЬЯ СКУЛЬПТОРОВ

Фото М. Маркова

Утреннее весеннее солнце сквозь стеклянную крышу ярко освещает просторную мастерскую.

На вращающемся станке высится шестиметровая гипсовая модель памятника В. И. Ленину. Несмотря на то что модель уже закончена, скульптор М. Г. Манизер, белый, как мельник, от гипсовой пыли, тщательно выверяет и отделывает каждую деталь.

Владимир Ильич изображен художником в движении, как бы на минуту остановившимся: он без шапки, руки придерживают накинутое на плечи пальто, которое вот-вот сорвется от сильного порыва ветра. Повернув голову вправо, Владимир Ильич, слегка прищурившись, пытливо смотрит вдаль...

Бронзовый памятник вождю будет установлен в день семидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича в его родном Ульяновске, на так называемом «Венце» — самой высокой точке города.

Грандиозный памятник — его высота вместе с постаментом 14 метров — будет хорошо виден даже с правого берега Волги.

Матвей Генрихович Манизер окончил Академию художеств в канун Великой Октябрьской социалистической революции. Его дипломный проект на тему «Илиады» Гомера был отмечен наградой — четырехгодичной заграничной командировкой. Однако заграницу М. Г. Манизер не поехал: молодая Советская республика явилась лучшей школой усовершенствования для скульптора.

Советская страна дала М. Г. Манизеру все условия для роста и развития. Тяготевший еще с академической скамьи к крупным масштабным формам искусства, Матвей Генрихович целиком посвящает себя монументальной скульптуре. Его первый опыт в этой области — памятник Володарскому в Ленинграде — укрепил за ним репутацию одного из лучших советских скульпторов. Уже в этой работе отчетливо проявились ценные качества скульптора — большая идейная содержательность и безупречное владение формой. Сейчас имя М. Г. Манизера — автора многочисленных памятников Ленину, Кирову, Куйбышеву, Чапаеву, Тарасу Шевченко — хорошо известно в Советской стране. Памятники его работы украшают площади и парки городов: Ленинграда, Киева, Минска, Харькова, Кирова, Куйбышева, Петрозаводска, Кировограда, Симферополя, Канева, Пушкина.

Большая фигура И. В. Сталина находится на выставке «Индустрия социализма» в Москве.

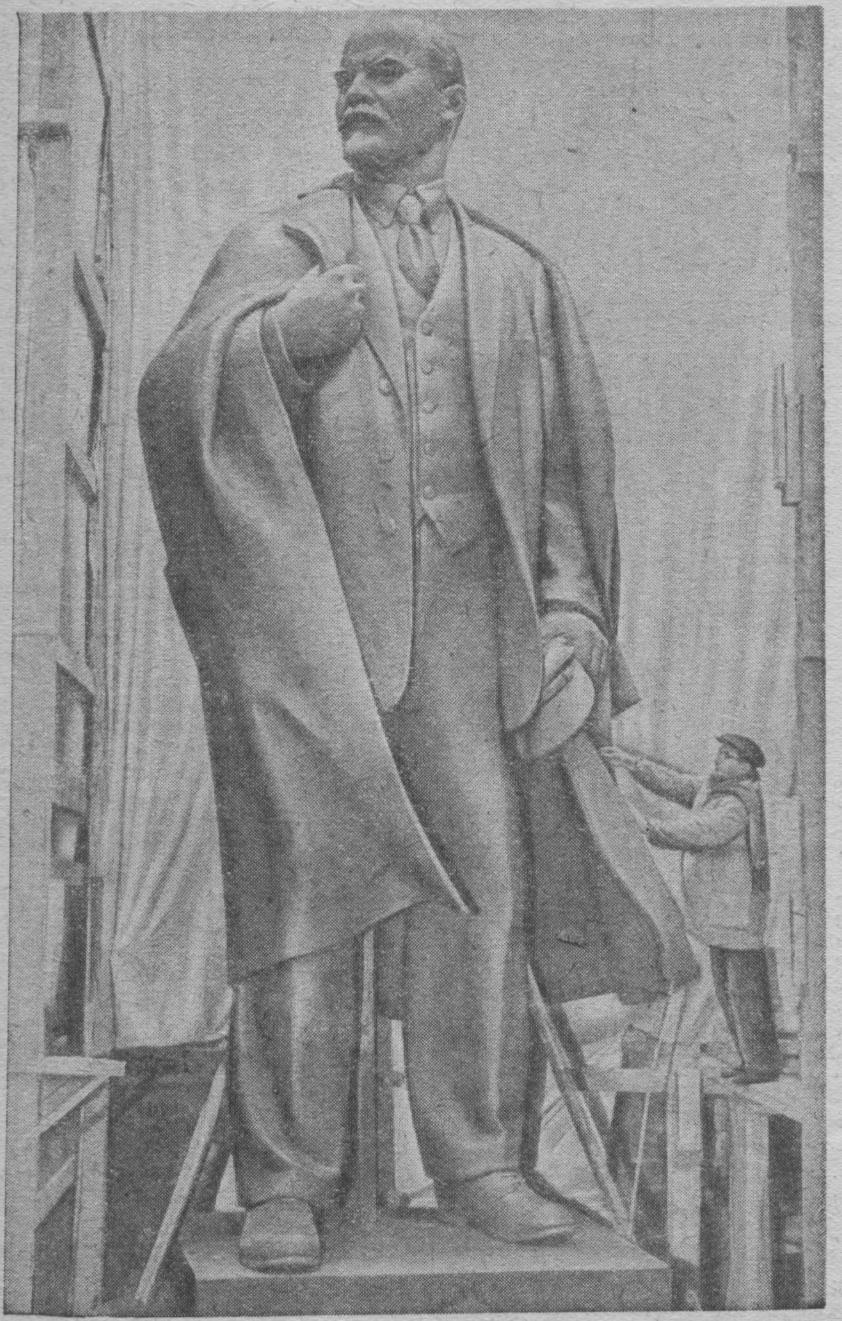
Вместе со своими учениками М. Г. Манизер создал 20 скульптурных бронзовых композиций для станции московского метро «Площадь революции». Недавно он закончил два бюста: Пушкина и Микель-Анджело для Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

Бесчисленные эскизы и варианты, которыми заставлена мастерская, свидетельствуют об упорной работе скульптора над образами лучших людей нашей эпохи — Ленина, Сталина, Кирова, — о взыскательности и требовательности большого художника, наконец, о его огромной трудоспособности.

Матвей Генрихович Манизер — ведущий профессор скульптурного факультета Академии художеств, председатель ленинградского Союза советских художни-

Заслуженный деятель искусств профессор Всероссийской академии художеств Матвей Генрихович Манизер.

М. Г. Манизер за работой над скульптурой В. И. Ленина

Скульптурный портрет А. С. Пушкина работы М. Г. Манизера.

ков, активный депутат городского Совета.

За выдающиеся заслуги М. Г. Манизер трижды удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств — РСФСР, УССР и БССР.

* * *

Елена Александровна Янсон-Манизер — ученица своего мужа. У нее своя — более скромная по объему — мастерская, своя работа и, что особенно ценно, свой индивидуальный почерк художника. На ее рабочем станке стоит почти законченная в глине большая — в натуральный рост — фигура балерины Улановой. Артистка запечатлена, скульптором в классической позиции аттитюда, с наклоненным вперед корпусом и вытянутой, как струна, правой рукой. Это лебедь из балета Чайковского. Е. А. Янсон-Манизер не только добилась абсолютного сходства с оригиналом, но сумела удивительно полно воплотить в глине отличительную черту дарования Улановой — ее вдохновенную поэтичность.

Е. А. Янсон-Манизер принадлежат 16 больших физкультурных горельефов и 25 фарфоровых медальонов на станции метро «Динамо», несколько фигур на фасаде Всесоюзной библиотеки имени Ленина, скульптурная композиция «Физкультурница» на Нью-йоркской выставке, ряд бронзовых фигур физкультурников в Центральном парке культуры и отдыха имени Кирова в Ленинграде.

В ее мастерской собрано свыше 40 бронзовых, гипсовых, фарфоровых фигурок лучших деятелей ленинградского балета. Характерная особенность всех скульптур Янсон-Манизер — их динамичность. Художник закрепляет в глине, гипсе секундную остановку в движении, в танце.

Очень удачна серия небольших фарфоровых бюстов советских писателей, сделанная скульптором еще несколько лет назад. Можно пожалеть, что они так же, как и превосходные фарфоровые статуэтки артистов балета, остаются лишь достоянием самого автора. Неужели фарфоровый завод имени Ломоносова, на котором отлиты эти фигуры по индивидуальному заказу скульптора, не может освоить их массовое производство?

Муж и жена — М. Г. Манизер и Е. А. Янсон-Манизер — самостоятельно работают на одном и том же участке искусства. Несмотря на различие их художественных индивидуальностей они неразрывно связаны общностью интересов советского искусства.

Артист балета М. М. Михайлов в роли Гирея в балете «Бахчисарайский фонтан». Скульптура работы Е. А. Янсон-Манизер.

Скульптурный портрет народной артистки РСФСР А. Я. Вагановой работы Е. А. Янсон-Манизер.

Скульптор Е. А. Янсон-Манизер в своей мастерской. На снимке вверху справа: Е. А. Янсон-Манизер со своими сыновьями Гуго и Отто.

Лу Уедемар

Мелкая сошка

Склонившись над ветхой пищущей машинкой, старик тихо посмеивался про себя. Кругом стоял обычный для редакции шум и гам. Он снова прочел последнюю строчку:

«Оптимист — это человек, считающий себя пессимистом!»

Неплохое изречение, пусть даже это его собственное мнение. Ничего особенного, но все же забавно. Тысячи людей прочтут его в отделе «Обо всем понемногу» газеты «Дейли пресс» и весело посмеются при этом. Ему нравилось смешить людей. И то сказать, ведь в других отделах газеты было достаточно всяких печальных сообщений!

Оглянувшись, старик снова склонился над машинкой и с опаской отстукал еще два слова: «Гарвей Грант». Это была его подпись, и он снова испытал при этом трепетное и несколько виноватое чувство. Хотя он в течение целых тридцати лет изо дня в день писал для отдела «Обо всем понемногу» и своей хорошей добросовестной работой завоевал симпатии многочисленных читателей, Гарвей Грант до сих пор пребывал в безвестности. Не то чтобы он боялся подписывать свой материал. Он даже гордился им. Скорее, он предпочитал, чтобы люди могли судить о нем лишь по его работе. Вот почему он все эти годы никогда не подписывался.

Вероятно, и сам полковник Ферфильд, эксцентричный владелец и издатель «Дейли пресс», не знал, кто пишет для отдела «Обо всем понемногу». Тот самый Ферфильд, который хвастался, что он с одного взгляда может определить, выйдет ли из человека хороший журналист. Своим благосклонным вниманием полковник удостаивал лишь ответственных сотрудников редакции, а отнюдь не таких мелких сошек, как Гарвей Грант, которого он никогда и не видел. Издатель, вероятно, считал, что материал для этого отдела пишется сам собой.

В известном отношении скромность Гарвея Гранта пошла ему на пользу: именно она помогла ему так долго сохранить за собой эту работу. «Массовые увольнения», периодически проводившиеся полковником Ферфильдом, недаром пользовались печальной славой, а гнев его поражал главным образом тех сотрудников, чьи фамилии достаточно выделялись, чтобы он мог дать себе труд их запомнить. Столь же печальной славой пользовались и его методы «выдвижения», ибо Ферфильд подбирал новых сотрудников, руководствуясь главным образом своей «интуицией». Случайные люди внезапно привлекали внимание великого издателя и прикосновением его волшебной палочки превращались в редакторов.

Правда, этих редакторов хватало ненадолго, а остальные сотрудники редакции неизменно ухитрялись выпускать газету без особых приключений, если только эти редактора им не очень мешали. Но последний, очередной любимчик издателя, молодой человек с физиономией кролика, по имени Виллярд, оказался довольно вредным субъектом. Первым долгом он решил провести «реорганизацию» среди персонала редакции. Наиболее чувствительно это отразилось на старом Гранте. «Знаете что, займитесь-ка вы рассыльными,— авторитетно заявил ему самоуверенный юный Виллярд,— а ваш материал будете писать как-нибудь так, в свободное время». Гарвей Грант не стал протестовать. Хотя он выглядел еще довольно бодро, а волосы его еще не совсем поседели, он знал, что стареет. А когда человек, работающий в печати, начинает стареть, он сам понимает, что чем дальше, тем с ним будут все меньше и меньше считаться.

Именно поэтому Грант и решил еще неделю назад начать подписывать свой материал. Пора, пора обратить на себя внимание. И фамилия Гранта стала красоваться на страницах газеты наравне с именами «китов», пользующихся высоким вниманием полковника Ферфильда. Неопытный Виллярд даже не обратил внимания на это нововведение, но сам-то Ферфильд должен был, рано или поздно, отметить такое событие.

И вот тогда, узнав, наконец, фамилию человека, который столько лет писал ценные заметки для отдела «Обо всем понемногу», великий издатель пришлет Гарвею Гранту поздравительное письмецо. А старый Грант покажет письмо Виллярду, который не посмеет после этого держать его на побегушках, вместо того чтобы дать ему возможность спокойно работать для своего отдела.

Гарвей Грант встал с места, чтобы отнести готовый материал, но тут он столкнулся с юным Виллярдом, который молча остановил его, вручив ему желтый листок бумаги. Старик, затаив дыхание, прочел следующую телеграмму:

«Виллярд, я только что обнаружил, что некий Гарвей Грант начал писать в отдел «Обо всем». Откуда взялся этот молокосос? Как вы могли пропустить подобный бред? Отдел мог бы стать действительно интересным, надо только подыскать опытного человека. Что за фрукт этот Грант?! Ферфильд».

Старый Грант ничего не сказал. В газетном мире такие вещи случались нередко: он затеял крупную игру и проиграл. Вернув телеграмму Виллярду, он отошел в сторонку. Он не вернулся к своему старому, расшатанному столику; медленно прошел он к скамье для рассыльных и тихо уселся на ней.

— Рассыльный!

Если Виллярд и заметил, что никого из рассыльных нет, а на их месте оказался старый Грант, он и виду не показал.

— Полковник Ферфильд велел немедленно прислать к нему на дом рассыльного за срочным материалом. Поезжайте. Да живо!

Гарвей Грант пристально посмотрел на юного редактора и послушно направился к двери. Он постоял на тротуаре и глубоко втянул в себя холодный свежий воздух. Теперь он мог просто сбежать. Ведь ему уже не нужно снабжать читателей веселыми заметочками и изречениями. Осознав это, он почувствовал какой-то комок в горле.

Но надо ведь доставить срочный материал для газеты. По пути он решил, что это уж не такое плохое поручение. Наконец-то ему удастся взглянуть на величайшего издателя в мире, одно слово которого могло погубить или возвеличить человека.

Полковник Ферфильд сердито расхаживал по своему роскошному кабинету, когда к нему ввели Гарвея Гранта.

— Оптимизм!—орал он маленькому, кроткому секретарю, покорно застывшему с карандашом в руке.— Оптимизм — вот чего недостает этой стране!

Он свирепо повернулся к Гарвею Гранту:

— Судя по виду, вы человек здравомыслящий. Что вы думаете об оптимизме в наше время, а?

Грант поперхнулся. Великий издатель обратился к нему за советом и, повидимому, ждал от него ответа. И вот в первый раз в жизни Гарвей Грант не смог подыскать соответствующее изречение. Он просто онемел.

Внезапно он вспомнил последнюю строчку из последнего своего материала, так и не попавшего в отдел «Обо всем понемногу».

— Видите ли, полковник Ферфильд,— робко проговорил он,— я всегда говорил, что оптимист — это человек, считающий себя пессимистом.

Полковник Ферфильд застыл на мгновенье. И вдруг испустил дикий рев, от которого бедный Грант весь съежился в комочек, пока он не разобрал слова великого издателя:

— Потрясающе, замечательно! Гениальное изречение! Вот это — по существу!

— Молодой человек!

Гарвей Грант понял, что это обращаются к нему, хотя он-то себя чувствовал далеко не молодым.

— Нам для «Дейли пресс» нужны именно такие изречения. А что бы вы сказали, если бы я предложил вам писать для отдела «Обо всем понемногу»?!

Перевод с английского
Е. ШЛОССБЕРГ

Не успеет растаять лед, как спортсмены спускают на воду байдарки.
Фото П. Смирнова

Грейпфрут

Матрос Патутин плавал на пассажирском пароходе «Карл Маркс» от Одессы до Батуми, где тепло не только летом, но и зимой. Матрос привез домой пяток грейпфрутов, подаренных ему знакомой девушкой-аджаркой. Каждый плод был завернут в папиросную бумагу, на которой значилось: «Грейпфрут. Родина Мустант-а-Вест-Индия. Впервые завезены из Флориды в Грузинскую ССР (Поти) в 1933 году». Матрос сбросил обертку, выложил плоды на глубокую тарелку и любовался ими словно цветами. Солнце ласково пригревало сверкающую яркожелтую кожуру. Матрос принюхивался к плодам, потирая руки от удовольствия.

В комнату постучались. Размашисто вошел Литвиненко — матрос с парохода «Андре Марти».

— Заворачивай ко мне, браток! У меня сегодня отвальная, — сказал вошедший.

— Как? Разве «Марти» уходит в рейс? Он же в ремонте!

— Я списался с парохода. Уезжаю далеко, в Архангельск. Идем в Игарку. Э, да ты, я вижу, разжился грейпфрутами! Подари мне один шарик! Он мне в Арктике пригодится. Штука полезная, особенно для полярников.

Патутин выбрал самый большой грейпфрут и бережно завернул его в газетную бумагу.

— Получай, браток! Будешь чаевать, вспомни меня незлым, тихим словом...

Литвиненко добрался до Архангельска и ушел в полярный рейс. Грейпфрут хранился у матроса в белье. Так было надежней сберечь его от порчи.

После жаркого южного лета чудным показалось матросу полярное солнце, светившее даже ночью, но не гревшее. Тянуло к теплу. Хотелось кислого. Но отведать грейпфрут моряк не решался, берег до Игарки. Здесь, на лоне полярной природы, где-нибудь в вековой тайге, у костра, он собирался с товарищами попить чайку с этим плодом субтропиков.

За время арктического плавания грейпфрут немного усох, кожура его стала тоньше и тверже. Но матрос знал, что плоду от этой перевозки вреда не будет.

Вместе с товарищами Литвиненко зашагал в игарскую тайгу. Кедр, пихта и лиственница толпились словно люди на митинге. Приземисто, красными пятнами росла полярная карликовая береза. Где-то прокричала кедровка и шумно поднялась с дерева. Ураганы ежегодно прокладывали свои улицы в тайге. Бурелом затруднял дорогу. Приходилось прыгать через стволы поваленных деревьев, которые от времени покрылись мхом и стали трухлявыми. Чем дальше от берега, тем угрюмей становилась тайга. Показались кочковатые болота, зыбуны и кочки. Запахи тайги и болот были пряны. Пахло сибирским багульником. Все краснело от брусники. Местами чернела голубица. Моряки набивали ею рот целыми пригоршнями, синили зубы. Вместе с моряками шел игарский старожил — метеоролог.

На мшистом холме под лиственницей Литвиненко домовито расстелил брезент, расставил банки с хамсой, фаршированным перцем, нарезал копченой колбасы, хлеба. Пока он занимался приготовлением этого таежного стола, товарищи наладили костер и подвесили над огнем чайник с водой, набранной в болотце. Вода оказалась снеговой, вкусной. Литвиненко достал свой заветный грейпфрут. У метеоролога руки затряслись от восторга.

— Слушайте, ребятушки, выручите, голубчики: не режьте этот самый фрукт, а подарите его мне. Я вам за него, что хотите, дам. Ничего не пожалею. У меня есть настоящий ненецкий лук, из семи слоев дерева сделанный. Отдам и его. Есть бисером расшитые пимы. Их не пожалею.

— А зачем тебе грейпфрут? — удивился Литвиненко. — Мы же его сейчас распробуем. И тебе попадет кружочек.

— Да я не о себе забочусь, — сказал метеоролог. — Сынишка здесь со мной живет в Игарке. Сиротка. Мать его в прошлом году ехала из Дудинки на собаках да и не вернулась. Ни собак, ни людей не нашли. Пропали... У меня все заботы теперь о сынишке. Хочется потешить его какой-нибудь диковиной. Для игарцев грейпфрут — это редкость.

Литвиненко взглянул на метеоролога, на грейпфрут, на товарищей и сказал тихо:

— Я против ничего не имею. Как товарищи скажут?

— Обойдемся, — промолвил судовой повар, наливая каждому чаю в эмалированную кружку. — Мы вместо него клюквенного экстракта в чай добавим. Здорово кисло получается. Сильнее еще берет.

И стал каждому в кружку капать экстракт из маленького флакона.

— Бери, что ли, — сказал Литвиненко. — А мы-то думали, вот приедем в вашу Арктику, попробуем грейпфрутище. Ну да ладно, не маленькие.

— Вот спасибо, товарищи, — обрадовался метеоролог. — Что хотите просите, хоть лук со стрелами, хоть пимы...

— Нам пимов твоих не надо, в Одессе их не носить, их моль только поест. А из лука стрелять в двадцатом веке неудобно, только место будет занимать. Бери за так! — сказал Литвиненко. — А парнишке скажи, что вот моряк из Одессы приезжал в Игарку, подарок привез. Этот фрукт достался мне от моего товарища Патутина, а ему подарила знакомая девушка-аджарка. Это, можно сказать, не фрукт, а перекати-поле.

Метеоролог бережно завернул подарок в обрывок газеты и сунул в карман своей шинели.

Сынишка метеоролога готовил вечером уроки, старательно выводил крупные буквы в тетради по двум линейкам с косыми. Вернувшийся из тайги отец положил перед сыном газетный сверток. Сынишка развернул сверток и воскликнул:

— Папка, я знаю, что это такое! Это грейпфрут! Они растут теперь и у нас в Советском Союзе. Нам учительница объясняла. Я буду его беречь.

— Зачем беречь! Я достал его тебе для еды, а не для бережения.

Сынишка положил грейпфрут на тарелку. Поставил перед собой на письменном столе. Несколько раз прикладывался, принюхивался к плоду, пытался сдавить ручонками его плотную кожуру. Но кожура окрепла и стала словно из металла.

Вечером к метеорологу пришел летчик Наумов. Это были старые друзья-полярники. Они вместе начинали свою арктическую жизнь на острове Диксон в Карском море. Летчик спросил о предстоящей погоде. Метеоролог раскинул перед ним синоптические карты и объяснил, что, по всей вероятности, завтра с утра погода будет летная.

— Завтра вылетаю по особому заданию в Архангельск и Мурманск. Уйма промежуточных посадок по всем зимовкам. Полет займет много времени. А хочется скорей домой. С матушкой давно не видался. Э, да вот какие у вас тут в Игарке чудесные фрукты! Откуда ты его раздостал, парень?

— Подарил сынишке один морячок...

Летчик повертел грейпфрут в руках, понюхал и положил на место.

— Морячок, говоришь, подарил? — сказал летчик. — И много их у него?

— Один, вот этот, кум Наум, — ласково сказал метеоролог.

— Один, какая жалость!

— Почему ты жалеешь, дядя? — спросил летчика сынишка метеоролога.

— Моя матушка тебе в бабушки годится. Так вот, известно,

старенькому человеку хочется кисленького. Просила она меня перед отлетом: «Если, говорит, случится,— купи матери лимон, привези, пожалуйста!»

— И ты купил?—спросил мальчик.

— Не пришлось. Были они в одном месте, да только перед моим прилетом.

— А ты на фронте был?—спросил вдруг мальчик.

— В гражданской войне участвовал.

— Летал?

— Нет, служил в пехоте. Тогда летчиков было очень мало. Не то, что сейчас — полстраны летает!

— А если будет война, ты пойдешь на фронт?

— Непременно! Сам попрошусь...

Мальчик уважительно посмотрел на летчика, погладил шитый серебром пропеллер на его рукаве и сказал:

— Дядя, я подарю для твоей мамы этот грейпфрут. Отвези ей от меня в подарок.

— Что ты, друг! Тебе самому он пригодится здесь на Севере. Мне брать его неудобно...

— Да бери! Бери! — настаивал мальчик.— Что ли, папа мне еще не достанет?!

— Где же я тебе достану?— недовольно сказал отец.—Разве они растут в Игарке?

— Бери! Все равно бери!—уже слезно просил мальчик.

— Бери, кум Наум, раз уж он так этого сам хочет,—сказал отец и стал накачивать примус, готовясь угостить летчика жареной енисейской стерлядкой.

Наумов попал домой в конце октября. Старушка-мать умерла без него, годы ее вышли. Не засиделся летчик дома. Советские горнисты пробили на границе боевую тревогу. Записался Наумов добровольцем на фронт.

Ранним утром летел Наумов в первую разведку.

На горизонте сквозь мглу показался вражеский истребитель, патрулировавший свою зону. Он заметил машину Наумова и ринулся на нее. Машина Наумова несла в себе три молодые советские жизни. Наумов зашел в хвост самолета противника, советский штурман дал по врагу пулеметную очередь. Вдруг в пилотской кабине зажглась красная лампочка, предостерегавшая о том, что противник заходит под брюхо самолета — самое уязвимое место. Наумов сделал боевой разворот, и сам очутился под самолетом противника. Снова пулеметная очередь! И противник, объятый пламенем, посыпался вниз. Тут Наумов ощутил резкую боль в правой ноге. Он не мог выжимать ею педаль. Но воевать уже было не с кем. Однако погибавший противник успел выпустить по самолету Наумова очередь зажигательных пуль.

Ярко вспыхнула правая плоскость. Наумов почувствовал, как ему сразу стало жарко, будто открыли дверцу раскаленной печи. Надо было скорее сбивать огонь. Он перевел машину в скольжение на левое крыло. Не помогло. Огонь разгорелся с новой силой, грозя взорвать баки. Уже дымился летный комбинезон Наумова. Одной рукой он держал штурвал, а другой отмахивался от языков огня, словно от стаек мошкары. Он защищал лицо меховой огромной рукавицей, и та уже начинала дымиться. Перестала вспыхивать предостерегающим светом красная лампочка. Может быть, штурмана не было уже в живых...

Пилот очнулся в лазарете.

— Как вы себя чувствуете?— спросила Наумова медицинская сестра.

— Не совсем обычно, — ответил пилот.— Правая нога стала будто чужой.

— Вас оперировали, пуля извлечена. Скоро пойдете на поправку.

— А где мои товарищи?

— В полном порядке! Это они донесли вас до нашего лазарета,— ответила сестра.

Наумов попросил карандаш и бумагу.

— Друзья! — писал он записку товарищам.— У меня в чемодане пропадает грейпфрут. Кожура на нем малость затвердела. Вы не обращайте внимания! Это не простой фрукт, это особенный. Я когда-нибудь, в части, расскажу о нем целую историю. А пока нарежьте его и пейте с ним чаек, вспоминайте обо мне, преданном и благодарном вам товарище.

Вечером в лазарет пришли товарищи Наумова. После короткого свидания (доктор не разрешил занимать оперированного долгими разговорами) они тихонько передали сестре грейпфрут и сказали шепотком:

— Вы его с чаем давайте раненому летчику Наумову. Если он будет спрашивать, откуда у вас лимон, скажите, что свой, из дома привезли.

Последний снег.

Фотоэтюд А. Скурихина

ВЫСТАВКА, ПОРОЖДЕННАЯ СКУКОЙ. В начале мая в Париже, как сообщает газета «Тан», открывается любопытная выставка.

В качестве экспонатов будут фигурировать изделия из ткани, металла, глины и других материалов работы солдат на «линии Мажино». Проводя месяц за месяцем в вынужденном безделье, французские солдаты, будучи оторваны от производительной работы, коротают время за выделкой статуэток, подушечек, чернильниц и пр. Нужно учесть, что среди них находится немало специалистов по различным видам искусства и художественного ремесла.

Для поощрения экспонентов на выставке будут выдаваться премии размером в 20 франков и выше.

АМЕРИКАНЦЫ БОЯТСЯ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ. Война на море настолько отразилась на путешествиях американцев, что пароходные компании забили настоящую тревогу.

Несмотря на ряд официальных заявлений, вплоть до призыва государственного департамента (министерства иностранных дел) к американцам продолжать свои «традиционные поездки», так как не существует никакой опасности, пароходные компании вынуждены прекращать свои рейсы, и в судоходстве наступила длительная полоса штиля. Не помогло даже специальное обращение Рузвельта, где он назвал «1940 год годом путешествий» и призывал американцев побольше путешествовать. Многие пароходные компании очутились на краю банкротства. Некоторые компании совершенно отменили свои рейсы. По сведениям «Нью-Иорк Таймс», голландско-американская компания отказалась от южноамериканских рейсов. Норвежско-американская линия, производящая рейсы в Осло-фьорд, также прекратила свои рейсы. Один из самых крупных трансатлантических лайнеров голландско-американской пароходной линии, «Статендэм», остался в Роттердаме, где стоит на рейде в ожидании лучших дней.

Газета указывает, что после морского боя, происшедшего в Ла Плате (побережье Уругвая) между германским линкором «Адмирал Шпее» и английской эскадрой, страх так усилился, что трудно рассчитывать на ближайшее улучшение дел пароходных компаний.

НЕСЧАСТЬЕ 40-ЛЕТНИХ. Под таким заголовком американский журнал «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» печатает большую статью, посвященную положению людей, достигших 40-летнего возраста. Люди, достигшие этого возраста, как правило, оказываются выброшенными на улицу.

«Что такое безработный мужчина свыше 40 лет в Америке? — пишет журнал.— Это седеющий человек с растерянным взглядом и нервным смехом. Он обеспокоен, теряет надежду. Он не работает уже 4 года — с тех пор, как обанкротились его хозяева; он работал в этой фирме 17 лет. Он рассказывает об этом с нервным смешком. Неужели больше не найдется работы? Вот таков человек свыше 40 лет, ищущий работу; он живет на улице, загнан в тупик. Таких миллионы. Эти люди составляют одну из самых глубоких проблем социальной жизни Америки».

Отчеты государственного бюро по найму показывают, что 42 процента зарегистрированных просителей составляют лица свыше 40 лет. Из общего количества получающих работу людей среднего возраста в два раза меньше чем молодых, и то их берут только на временную работу. Правительственный отчет обследования 3781 завода в Массачузетсе показал, что на 230 заводах совершенно не было рабочих свыше 45 лет и на 767 заводах — лишь 25 процентов. Эти цифры можно оценить должным образом, если вспомнить, указывает «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин», «что, по переписи 1930 года, 43 процента рабочего населения Соединенных штатов составляют возрастные группы от 40 до 70 лет».

Журнал с горечью отмечает, что даже ветераны мировой войны, средний возраст которых составляет 46 лет, находятся в ужасном положении.

«Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» вынужден признать, что само правительство США подает плохой пример промышленникам. Так например предельный возраст в государственных учреждениях для стенографистов — 27 лет, для рабочих — 32 года, для инженеров — 35 лет. Возраст в 35 лет является предельным для человека, желающего поступить в учреждение.

Новое в науке и технике

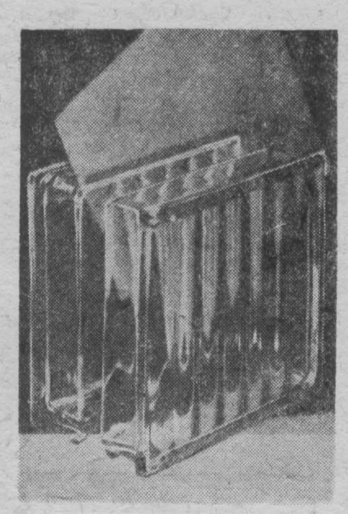
БЕЗОПАСНЫЕ БОМБЫ. Бомбы не всегда являются орудием разрушения: иногда они служат и мирным целям. Недавно в Калифорнии (США) был испробован интересный способ борьбы с лесными пожарами. С самолета были сброшены сосуды с огнеупорной жидкостью. Достигнув земли, сосуды разорвались и обдали мишень, изображавшую место пожара, целым дождем огнеупорной жидкости. Сучья и листва деревьев и трава, политые этой жидкостью, не горят. Начавшийся пожар можно локализовать, окружив его кольцом «огнеупорных» деревьев. Чтобы иметь возможность покрывать этим составом и верхнюю часть деревьев, им предполагают начинять настоящие бомбы, взрывающиеся через определенный промежуток времени.

Над стадионами, пляжами и людными площадями США взрываются иногда бомбы другого типа. Это — орудие рекламы. На месте взрыва через несколько секунд показывается громадный, во много раз превосходящий нормальные размеры предмет: винная бутылка, пузырек с патентованным лекарством, пневматик,— на котором огромными буквами обозначено название производящей их фирмы. Эти рекламные макеты выполняются из легкой шолковой бумаги и представляют своеобразные парашюты, медленно спускающиеся на землю.

АВТОЖИРЫ В БОРЬБЕ С ПОДВОДНЫМИ ЛОДКАМИ. Американский журнал «Сайентифик Америкен» выдвигает идею использования торговыми судами автожиров для наблюдения за подводными лодками и борьбы с ними. Автожиры, как известно, нуждаются в очень ограниченной посадочной площадке, а поднимаются почти без разбега, потому торговые суда могут нести их на борту без каких-либо особых приспособлений. Другое преимущество автожира заключается в том, что он может парить в воздухе почти на одном месте и благодаря этому сбрасывать бомбы в подлодки с очень точным прицелом.

СТЕКЛЯННЫЕ КИРПИЧИ. Сфера применения стекла все расширяется. Из стеклянных нитей в США делают платья, шляпы, из стеклянных кирпичей строят дома. Последним усовершенствованием в этой области является новый вид стеклянных кирпичей. Это два полые блока из толстого стекла с заключенной между ними прокладкой из спрессованных стеклянных нитей — стеклянного ватина.

Эта прокладка задерживает световые лучи, проникающие через стеклянные стены обычного типа, и служит теплоизоляционным материалом, предохраняющим больше чем стекло внутренность помещений от влияния внешнего воздуха.

ЛЕГКОЕ ИЗ ПЛАСТМАССЫ. Американские газеты сообщали недавно о первом в истории медицины случае применения искусственного легкого при родах. Беременная женщина незадолго до родов поражена была тяжелым параличом, лишившим ее способности совершать дыхательные движения. Жизнь больной удалось спасти только путем применения искусственного дыхания. Она была помещена в герметически закрытую камеру — «металлическое легкое», в котором с помощью насоса попеременно создается повышенное и пониженное давление; вызывая сжатие и расширение грудной клетки, действие насоса заменяет таким образом нормальные дыхательные движения. Но так как в такую камеру заключается все тело пациента, за исключением головы (и иногда рук), больную невозможно было оставить в ней во время родов: врачи были бы лишены возможности оказывать ей необходимую помощь. Поэтому при родах использован был другой тип искусственного легкого, значительно более удобный, покрывающий только грудную клетку. Роды прошли благополучно.

На нашей фотографии показана новая, усовершенствованная модель такого облегченного искусственного легкого. Она выполнена из прозрачной пластмассы, что дает врачу возможность наблюдать за движениями грудной клетки пациента. Для обеспечения полной воздухонепроницаемости между краями этого «легкого» и телом пациента прокладывается слой резины. Эта модель очень легка, и для приведения в действие соединенного с ней насоса достаточно мотора мощностью в $1/4$ лошадиной силы. В местностях, где нет электричества, насос можно приводить в действие даже вручную. Американская пресса указывает, что такое «легкое» настолько дешево, что приобретение его по средствам любой, даже самой маленькой больнице, и обращение с ним настолько просто, что им можно снабдить любой пункт подачи первой помощи, пожарные бригады, станции помощи утопающим и полицейские автомобили, выезжающие на места различных происшествий. Эта модель искусственного легкого выпущена в четырех размерах, так что ею могут пользоваться больные всех возрастов.

«ПЕСНИ ГОРЦЕВ». Редакция и комментарии Эффенди Капиева. Гослитиздат. Москва.

В сборнике Эффенди Капиева «Песни горцев» представлено поэтическое творчество народов Северного Кавказа, главным образом Дагестана. В «стране гор» живет тридцать с лишком национальностей, значительная часть которых до недавнего времени не имела своей письменности. Уже в силу одного этого дагестанский фольклор представляет исключительный интерес. Составитель сборника справедливо оговаривает в предисловии, что «книга содержит лишь малую часть тех богатств устной поэзии, которые веками накапливались в горах Кавказа... является первой попыткой ознакомить советского читателя с многообразием жанров и тем народного творчества кавказских горцев». Надо сказать, что эта задача, насколько позволяют скромные размеры сборника — меньше 250 страниц,— составителем выполнена очень добросовестно. Книга знакомит с образцами устного творчества более десяти народов Северного Кавказа, и подавляющее большинство произведений публикуется впервые.

Почти все разделы открываются дореволюционным фольклором, часть которого восходит к далекой старине, например нартский (героический) эпос Кабардино-Балкарии. К далекой старине относится также прекрасная аварская поэма о Хочбаре. Это песнь о народном храбреце, вольнолюбивом и отважном, которого злой насильник, жестокий правитель Аварии Нуцалхан, коварно заманил к себе и, вероломно нарушив святой обычай гостеприимства, предал казни. Над плененным и скованным Хочбаром издеваются: «Ты, может, споешь нам, могучий Хочбар?» — готовят ему мучительную смерть на костре. Народный любимец бесстрашно стоит перед лицом разъяренных врагов, гордо перечисляет свои ратные подвиги и бросается в огонь, схватив с собой «двух детей Нуцал-хана».

В советскую эпоху это исконное любование храбростью, отвагой переносится на партизан, воплотивших в себе лучшие черты вольнолюбивых горцев. Несколько прекрасных горских песен («Партизан» — даргинская песня, «Смерть большевика Мусы Кундухова» — аварская песня, «Партизанская» — чечено-ингушская песня) ярко показывают, в ком горцы Кавказа видели олицетворение народного идеала. Горская беднота, которой революция открыла возможности счастливой и зажиточной жизни, понимает, кому она обязана этим. Оттого-то так трогательны, поэтичны горские народные песни, сложенные про Ленина и Сталина.

«Сталин — солнце золотое наше.
Для врагов смертельно слово «Сталин».
Грозовые тучи разогнавши,
Ты открыл нам солнечные дали»,—

поется в кабардино-балкарской песне. Ей вторит замечательная по поэтичности и яркости метафор лакская песня:

«Реки стремятся к морю,
Железо стремится к магниту,
Травы стремятся к солнцу,
Птицы стремятся на юг.
А люди стремятся к счастью,
Они стремятся к правде,
Сердца их стремятся к дружбе,
Мысли стремятся к тебе».

Мы отметили только часть прекрасных песен сборника, в котором представлены интересная и своеобразная лирика, трогательные песни на бытовые темы (например «Свадебная», рисующая горестный удел горской женщины прошлого, жизненный круг которой в тринадцать лет уже был замкнут), замечательные своим полновесным, подлинно народным, звучным русским языком песни горских казаков и т. д.

Сборник составлен и прокомментирован Э. Капиевым старательно и любовно.

Б. Ч.

«ДВАДЦАТЬ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ НА ДРЕЙФУЮЩЕМ КОРАБЛЕ «ГЕОРГИЙ СЕДОВ». Издательство Главсевморпути. 1940.

Книга представляет собой большой сборник документов, статей и очерков, подобранных М. Черненко и Л. Хватом. Она открывается статьей Героя Советского Союза И. Д. Папанина «Сталинская вахта», затем идут жизнеописания седовцев, дневники участников дрейфа, статьи Б. Рихтера о прошлом корабля и первом русском путешественнике к Северному полюсу лейтенанте Седове, имя которого носит корабль, и профессора Н. Н. Зубова о научных результатах дрейфа.

За дрейфом «Георгия Седова» следила вся Советская страна. Подлинные документы, отражающие героизм седовцев, несомненно, привлекут и взрослых и юных читателей, а для ученых и писателей послужат материалом для новых книг.

Именно поэтому самое интересное в книге—дневники дрейфа. Скупые слова записей Бадигина, Трофимова, Буйницкого, Бекасова полны силы и мужества.

Координаты судна, проделанный путь, научные наблюдения, описания быта и работы экипажа «Георгий Седов» — вот обычное содержание записей. И в то же время эти записи — настоящие человеческие документы, ярко рассказывающие не только о поведении, но и о чувствах и мыслях советских людей, очутившихся среди льдов у самой вершины мира.

Надо знать дневники экспедиций Нансена, Свердрупа, де Лонга, чтобы представить, какая тоска и отчаяние могут охватить человека в этих местах. Записи седовцев отражают бодрость, уверенность в себе и в своем деле, уверенность в благополучном исходе экспедиции. Седовцы получали сотни радиограмм, часто от незнакомых людей, о них думали все советские граждане начиная от товарищей Сталина и Молотова до малышей-пионеров. Вот почему на «Георгии Седове» не было места чувству одиночества, мрак и холод не были страшны седовцам.

Наиболее яркие страницы дневников—описание авральных работ седовцев во время торошения льда и записи, относящиеся к последним дням дрейфа, когда седовцы увидели огни ледокола «Иосиф Сталин», пробивавшегося к «Георгию Седову» через льды. Эти страницы, которыми заканчиваются дневники, нельзя читать без волнения.

В книге много прекрасных фотографий и несколько карт.

Ф. К.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ПЕРВЫЕ ОТЛИЧНИКИ. Первыми значкистами ГТО-2, как известно, были десять слушателей Военной академии имени Фрунзе и две слушательницы Военно-воздушной академии имени Жуковского. В 1934 году, поздравляя их, народный комиссар обороны СССР товарищ К. Е. Ворошилов назвал значок ГТО-2 своеобразным спортивным орденом.

Сейчас такие спортивные ордена имеют более 100 тысяч советских физкультурников и спортсменов.

В новом комплексе ГТО, который введен с 1 января этого года, для значкистов БГТО и ГТО-2 установлена диференцированная система оценок: «сдал» и «отлично сдал».

Чтобы получить право носить значок отличника второй ступени, надо выполнить нормы, которые в основном соответствуют третьему разряду всесоюзной спортивной классификации. Первыми добились этого почетного права преподаватели Харьковского института инженеров транспорта. Под руководством заслуженного мастера спорта СССР тов. Артамонова преподаватели института товарищи Анисимов, Бабушкин, Керенцов, Клещенко, Любимов, Оббарнус, Певной, Свиренко, Смушкевич и Усов сдали все нормы нового комплекса с оценкой «отлично» и уже прошли проверочные испытания, организованные городским комитетом физкультуры и спорта.

«КУБКИ СССР» ПО ХОККЕЮ. Право обладать этими почетными трофеями горячо оспаривали 400 команд. По существующим правилам, проигравший выбывает из розыгрыша. Борьба была напряженной. Достаточно сказать, что только на третий день матча между командами ленинградских динамовок и московских буревестниц определились финалисты.

Победив спартаковок со счетом 1 : 0, женская команда «Буревестник» в четвертый раз подряд завоевала «Кубок». За эти четыре года она не проиграла ни одного матча и вбила в ворота соперниц 53 мяча, пропустив в свои только 3.

«Кубок» для хоккеистов достался команде «Динамо», которая сумела обыграть мужскую команду «Буревестник». Динамовцы в период борьбы за почетный трофей одержали 269 побед и проиграли 21 раз. В свои ворота они пропустили 213 мячей, а забитый ими гол, решивший судьбу последнего розыгрыша, был их 901-м голом.

НОВАЯ ТРАДИЦИЯ. Советские спортсмены установили прекрасную традицию: выступая в одном соревновании, бить сразу несколько рекордов, а побив рекорд, неустанно его улучшать.

Начиная забег на 20 тысяч метров, стайеры Иванькович и Давыдов не раз попутно били рекорды в беге на 15 километров и в часовом беге. Недавно мы сообщали о достижениях В. Казакова, установившего в одном заплыве новые рекорды на 800 и тысячу метров.

Как только вступил в эксплоатацию новый трамплин в Красноярске, Р. Беляев сразу же улучшил на 13 метров рекорд СССР по прыжкам на лыжах. Но и этот рекорд продержался недолго. 18-летний слесарь Константин Кудряшов прыгнул на 82 метра!

В Киеве блеснул новым достижением молодой штангист-средневес Григорий Новак. Полгода назад он установил мировой рекорд в жиме двумя руками, опередив знаменитого египтянина Туни. Теперь же Новак, продолжая закреплять победу, выжал колоссальный вес — 122,4 килограмма. Феноменальный рекорд Туни перекрыт уже на 4,9 килограмма.

МОТОГОНКИ. Вот уже второй год в Москве успешно проводятся мотоциклетные гонки на ледяной дорожке. Такие соревнования состоялись на беговом ипподроме в честь Международного коммунистического женского дня.

Старт давался по группам в 5 человек. Сначала были разыграны полуфиналы, затем финал. Борьба шла за десятые и сотые доли секунды. Опытные гонщики держались возможно ближе к бровке и выигрывали время на поворотах.

Первенство оспаривали лучшие мотоциклисты Москвы и Ленинграда. Первое место на дистанцию 9600 метров (6 кругов) на «Л-300» занял ленинградец Силантьев, пройдя эту дистанцию в 6 минут 41,5 секунды; второе место — хорошо известный москвичам Иваненко — 6 минут 52,2 секунды; третье — Баранов в 6 минут 57,5 секунды; далее — Кароль и Прудников.

Женщины шли на ту же дистанцию. Лучшее время показала москвичка Свиридова — 7 минут 7,1 секунды. На 50 секунд позже к финишу пришла ленинградка Евангулова, а за ней — москвичка Полястрова.

Зрители удивлялись: как можно так быстро ехать на двухколесном мотоцикле по скользкой, ледяной дорожке, делая резкие повороты? Кроме хорошей подготовки участников соревнования сыграло роль и то, что на мотоциклах были специальные шины. Шипы из стальной проволоки проходят насквозь через беговую часть покрышки. На ходу мотоцикла острые наружные концы шипов врезаются в лед и позволяют делать резкие повороты, идти на большой скорости на прямой.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

МАТЧ АЛАТОРЦЕВ — ЛЕВЕНФИШ

Крупнейшим шахматным событием у нас в стране в этом году явился матч на звание гроссмейстера между Алаторцевым (Москва) и гроссмейстером Левенфишем (Ленинград). Имена этих шахматистов хорошо известны шахматному миру.

Гроссмейстер Левенфиш был два раза чемпионом страны по шахматам; он крупнейший знаток дебютов и эндшпиля. Мастер Алаторцев — чемпион ВЦСПС — был несколько раз чемпионом Москвы и Ленинграда.

Матч игрался на большинство из 14 партий. Первые 8 партий игрались в Москве.

Алаторцев выиграл первую партию матча, затем проиграл вторую, пятую, седьмую. Восьмая партия была выиграна им в хорошем стиле.

Дальнейшие три партии были сыграны в Ленинграде. Их результат — 2 : 1 в пользу Левенфиша.

Решила матч двенадцатая партия.

Левенфиш в высоком стиле провел эту партию, добился победы и этим обеспечил себе выигрыш матча. Дальнейшие 2 партии изменить результат матча не могли.

Матч закончился в пользу гроссмейстера Левенфиша.

Приводим двенадцатую партию этого матча.

Алаторцев — Левенфиш

Каталонская

Двенадцатая партия матча

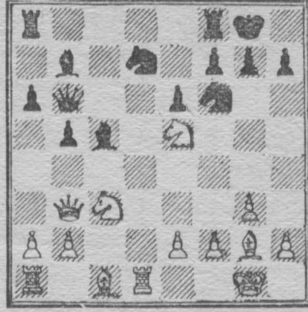
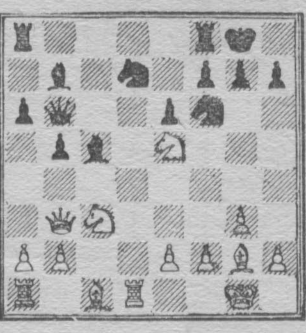
1. c2 — c4 Kg8 — f6
2. Kb1 — c3 e7 — e6
3. g2 — g3 d7 — d5
4. Cf1 — g2 Cf8 — e7
5. d2 — d4 0 — 0
6. Kg1 — f3 Kb8 — d7
7. Фd1 — d3 d5 : c4

С перестановкой ходов получился так называемый каталонский дебют. Гроссмейстер Левенфиш является большим знатоком этого начала и быстро уравнивает игру:

8. Фd3 : c4 a7 — a6
9. 0 — 0 b7 — b5
10. Фc4 — b3 Cc8 — b7
11. Лf1 — d1 c7 — c5

Белые предполагали, что черным нельзя делать этот ход. Однако Левенфиш рассчитал глубоко последующие варианты:

12. d4 : c5 Ce7 : c5
13. Kf3 — e5 Фd8 — b6!

Прекрасный ход. Основной вариант очень эффектен: 14. C : b7 C : f2 + 15. Kpf1 Ф : b7 16. K : d7 Фh1 + 17. Kp : f2 Kg4 мат.

Белые избирают другое продолжение, но и в нем черные заготовили сюрприз:

14. Ke5 : d7 Kf6 : d7
15. Cg2 : b7? . . .

Только 15. e3 могло избавить белых от материальных потерь:

15. ... Cc5 : f2 +
16. Kpg1 — f1 Kd7 — c5!
17. Фb3 — b4 ...

Тонкость позиции в том, что на 17. Ka4 следует 17. Ф : b7 18. K : c5 C : c5, оставаясь с лишней пешкой:

17. ... Kc5 : b7
18. Kc3 — e4 Cf2 — g1
19. Kpf1 — g2 a6 — a5
20. Ke4 — f6 + ...

Если 20. Фb3, то 20... Cd4 или 20... Kc5. Поэтому белые делают попытку обострить игру:

20. ... g7 : f6
21. Фb4 — g4 + Kpg8 — h8
22. Лd1 : g1 Фb6 — c6 +
23. Kpg2 — h3 Лf8 — g8
24. Фg4 — h4 Лg8 — g6
25. Лg1 — f1 Kb7 — d7

У белых плохо стоит король. Поэтому Левенфиш подводит фигуры для атаки на него. Сейчас нельзя играть 26. Лf6 из-за 26. ... Kf5.

26. Cc1 — f4 Kd6 — e4
27. Фh4 — h5 e6 — e5
28. Cf4 — e3 Лa8 — g8
29. Лa1 — c1 Фc6 — e6 +
30. Фh5 — f5 ...

Проигрывало и 30. Kpg2 K : g3 31. h : g Л : g3 + 32. Kpf2 (иначе 32. Л e3) 32. Лh3 с поимкой ферзя.

30. ... Ke4 : g3
31. Фf5 : e6 f7 : e6
32. . . . h2 : g3 Лg6 : g3 +
33. Kph3 — h2 Лg3 : e3
34. Лf1 — f2 Лe3 — e4
35. Kph2 — h1 Лe4 — h4 +
36. Лf2 — h2 Лg8 — g4
37. Лc1 — c6 Лh4 : h2 +
38. Kph1 : h2 Лg4 — e4
39. Лc6 — c2 Kph8 — g7

Можно было уже со спокойной совестью сдаться. В цейтноте Алаторцев делает еще два хода:

40. Kph2 — g3 a5 — a4
41. Kpg3 — f3 Лe4 — b4

Белые сдались.

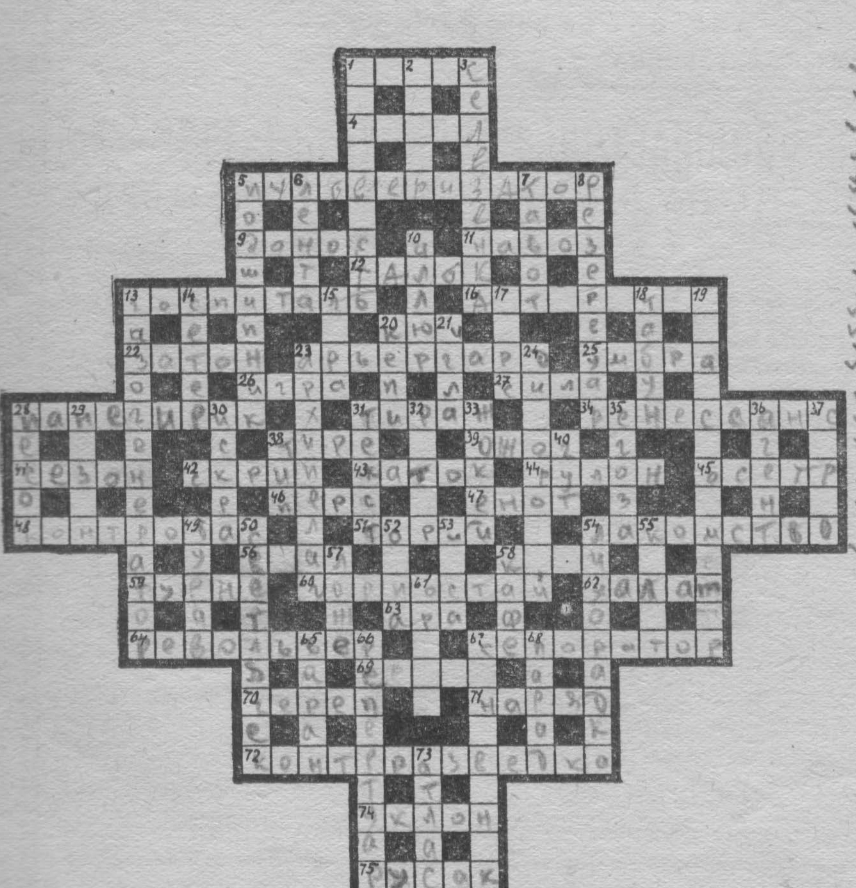
Эта прекрасно проведенная черными партия решила результат матча.

В. Алаторцев (справа) и Г. Левенфиш во время матча.

Фото Н. Киреева

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» К. Игнатьев.

По горизонтали:

1. Крыша.
4. Грубый человек.
5. Распылитель для жидкостей.
9. Поклеп.
11. Удобрение.
12. Минерал.
13. Военная больница.
16. Влияние.
20. Композитор.
22. Место зимней стоянки речных судов.
23. Часть войск, назначенная для прикрытия.
25. Краска.
26. Развлечение.
27. Мощь.
28. Хвалебная речь.
31. Количество экземпляров печатного произведения.
34. Эпоха в искусстве.
38. Знак препинания.
39. Болезнь.
41. Время года.
42. Звук трения.
43. Зимняя спортплощадка.
44. Сверток бумаги.
45. Рыба.
46. Прежнее название жителя Ирана.
47. Животное.
48. Музыкальный инструмент.
51. Химический элемент.
54. Вкусное блюдо.
56. Божество у семитов.
58. Птица.
59. Гастрольная поездка.
60. Пушной зверек.
62. Одежда.
63. Порода попугаев.
64. Оружие.
67. Аппарат для обработки молока.
69. Имя.
70. Часть скелета.
71. Дежурство.
72. Организация для борьбы с военным шпионажем.
74. Наклон, спуск.
75. Заяц.

По вертикали:

1. Чувство.
2. Завиток, зачесанный кверху клок волос.
3. Внутренний орган человека.
5. Опора для вала.
6. Полоска материи.
7. Сорт смазочного масла.
8. Вместилище для жидкостей.
10. Вид хода лошади.
13. Установка для получения горючего газа.
14. Порода собак.
15. Музыкальный инструмент.
17. Пушок при начесе ткани.
18. Стадо лошадей.
19. Электроприбор.
20. Головной убор.
21. Принадлежность шитья.
23. Группа островов.
24. Химический элемент.
28. Сыпучее тело.
29. Древнеримский поэт.
30. Электрический разряд.
31. Слова к музыке.
32. Минерал.
33. Наездник.
35. Непоседа.
36. Исполнитель поручения.
37. Растение.
38. Образец.
40. Спортивный термин.
49. Сверло.
50. Насекомое.
52. Сосуд.
53. Приток Оби.
54. Болезнь.
55. Обрядовая сторона религии.
57. Часть винтовки.
58. Кофейня.
61. Минерал.
65. Ящерица пустыни.
66. Совокупность пьес, идущих в театре.
67. Один из видов темперамента.
68. Смотр войск.
73. Комплект географических карт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 10 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Сапфир. 8. Радио. 10. Плутон. 14. Сатин. 15. Пигмалион. 16. Кража. 17. Тоска. 18. Орион. 19. Кобра. 20. Лафет. 24. Андерсен. 26. Мак. 28. Амазонка. 30. Сироп. 32. Поступь. 33. Караван. 34. Правило. 36. Налет. 38. Белосток. 39. Жир. 40. Солистка. 44. Слюда. 46. Плато. 47. Забор. 48. Вираж. 53. Накал. 54. Пирамидон. 55. Алиби. 56. Ставни. 57. Хитон. 58. Каркас.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Афины. 2. Прогноз. 3. Полигон. 4. Булка. 6. Артек. 7. Репортер. 9. Драп. 10. Панорама. 11. Орава. 12. Истома. 13. Камера. 21. Пропуск. 22. Паралич. 23. Озорник. 25. Дятел. 26. Мираж. 27. Ковер. 29. Навет. 30. Сан. 31. Пат. 35. Подлипки. 37. Золотник. 38. Белена. 41. Аравия. 42. Старуха. 43. Гардина. 45. Дукат. 49. Ирина. 50. Слово. 51. Омут. 52. Лавра.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—26152. Изд. № 404. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 23/III—40 г. Подписано к печати 10/IV—40 г. Зак. № 1111. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СОВЕТСКИЙ ТУРИЗМ—МОЩНОЕ СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ

П У Т Е Ш Е С Т В И Е — Л У Ч Ш И Й О Т Д Ы Х

ПРИОБРЕСТИ ПУТЕВКИ, ПОЛУЧИТЬ КОНСУЛЬТАЦИЮ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ТУРИЗМА, А ТАКЖЕ ПОМОЩЬ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ и ЭКСКУРСИЙ МОЖНО в ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННЫХ УПРАВЛЕНИЯХ ВЦСПС:
в Москве (Арбат, 57), **Ленинграде** (ул. Белинского, 13), **Киеве** (ул. Ленина, 3), **Минске** (ул. Урицкого, 11), **Горьком** (Краснофлотская, 52), **Новосибирске** (Дворец труда), а также в городах **Алма-Ата, Баку, Грозном, Ереване, Иванове, Иркутске, Казани, Калинине, Краснодаре, Красноярске, Курске, Куйбышеве, Махач-Кала, Мариуполе, Нальчике, Одессе, Орджоникидзе, Петрозаводске, Ростове Н/Дону, Саратове, Симферополе, Сочи, Сталинграде, Свердловске, Ташкенте, Туле, Харькове, Челябинске и Ярославле.**

ТУРИСТСКО-ЭКСКУРСИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЦСПС

ПУТЕШЕСТВИЯ по СССР

Открыто 140 маршрутов.

Баку—Тбилиси—Гори—Батуми (на родину товарища СТАЛИНА); **в Шушенское** (место ссылки В. И. ЛЕНИНА и Н. К. КРУПСКОЙ); **Касторное—Н. Оскол—В. Михайловка—Валуйки** (по пути Первой Конной Армии); **Иваново—Шуя—Владимир** (по местам революционной деятельности М. В. ФРУНЗЕ); **по Украине, Грузии, Азербайджану, Армении, Узбекистану, Казахстану, Киргизии** и по другим национальным республикам; **по Пушкинским местам; в усадьбу Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, по местам древнерусской живописи и архитектуры** (Новгород. Мстера и др.).

ПАРОХОДНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ по Черному морю, Волге, Каме, Днепру, Енисею, каналу Москва—Волга и Москва.

ПУТЕШЕСТВИЯ НА ЛОДКАХ И БАЙДАРКАХ по Чусовой, Свияге, Ветлуге и другим рекам.

АВТОМОБИЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ по Крыму, В.-Грузинской дороге, Черноморскому побережью, Казахстану.

ГОРНО-ПЕШЕХОДНЫЕ по Военно-Осетинской и Военно-Сухумской перевальным дорогам Кавказа; Кабардино-Балкарии и Сванетии, на Эльбрус, Кавказский заповедник и др.

ВЕРХОМ НА ЛОШАДЯХ через тайгу Алтая по Казахстану и Киргизии.

Для обучения технике водного туризма открыты туристские лагери на озерах: **Селигер** (Калининская область); **Севан** (Армения); **Гёк-Гёль** (Азербайджан); **Иссык** (Казахстан) и др.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЙ от 5 до 22 дней
СТОИМОСТЬ ПУТЕВОК от 90 до 755 руб.

СЕЛЬПО ПОКУПАЕТ

СТАРЫЕ ГРАМОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ И ИХ БОЙ

ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ

И ОБМЕНИВАЕТ

СТАРЫЕ ГРАМПЛАСТИНКИ И ИХ БОЙ НА НОВЫЕ

на следующих условиях:

1. СКУПКА ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ:

Старая грампластинка «Гранд» . . . . . — 60 коп.
Старая грампластинка «Гигант» . . . . . — 80 коп.
Бой грампластинок за 1 кгр. . . . . . . 3 руб. —
Треснувшие грампластинки, имеющие отбитые куски, принимаются как бой, т. е. за 1 кгр. . . . . 3 руб. —

2. ОБМЕН СТАРЫХ ГРАМПЛАСТИНОК ПРОИЗВОДИТСЯ:

При сдаче 5 старых пластинок «Гранд» или одного кгр. боя, сдатчику продается по выбору:
одна новая пластинка «Гранд» литер «Б» без доплаты наличными деньгами, **«В» и «Г»** с доплатой разницы между стоимостью сданных старых пластинок, согласно п. 1, и покупаемой новой пластинкой.

ПРОДАВАЙТЕ И ОБМЕНИВАЙТЕ В ЛАВКАХ, МАГАЗИНАХ, СЕЛЬПО, РАЙМАГАХ И КУЛЬТМАГАХ СТАРЫЕ ПЛАСТИНКИ НА НОВЫЕ.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНТОРА „ЦЕНТРОУТИЛЬ“ ЦЕНТРОСОЮЗА СССР и РСФСР

Огонек
Цена 50 коп.